

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

2 (10) 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчув, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Кургянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакаский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Окорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ж. В. Охлопкова, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://voprnalit.elpub.ru>

ISSUES OF NATIONAL LITERATURE

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

2 (10) 2023

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. N. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing editor

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagashева, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Zh. V. Okhlopova, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://voprnalit.elpub.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Бурцев А. А., Бурцева М. А.</i> Функционирование литературных аллюзий и реминисценций в романе Е. Слепцовой-Куорсуннаах «Вселенская буря».....	5
<i>Egorova S. I., Efremova E. I.</i> Vasily Manchary as the epic ideal of Nikita Leglyarin, the protagonist of Nikolai Mordinov's novel «Springtime».....	13
<i>Noeva (Karmanova) S. E.</i> Boundaries of being: The images of inverted space in the prose of the Yakut writer Platon Oyunsky.....	20

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Захарова А. М.</i> Вербализация сравнения в героическом эпосе П. А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» и в алтайском эпосе «Маадай Кара».....	27
<i>Хуббитдинова Н. А.</i> Реминисценция башкирских пословиц и поговорок в поэме Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билик».....	33

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

<i>Евсеева А. В.</i> Семиотика отражения в повести А. Н. Немтушкина «Дорога в нижний мир».....	41
<i>Stepanova V. E.</i> A structural analysis of the literary olonkho «Erchimen Bergen» by Sergei Vasilyev-Borogonsky.....	50

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Окорочкова В. Б.</i> К 90-летию доктора филологических наук, профессора Николая Николаевича Тобурокова.....	61
--	----

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Burtsev A. A., Burtseva M. A.</i> The functioning of literary allusions and reminiscences in the novel "The Universal Storm" by Sleptsova-Kuorsunnakh.....	5
<i>Егорова С. И.</i> Василий Манчары – эпический идеал главного героя романа «Сааскы кэм» ("Весенняя пора") Н. Е. Мординова Никиты Леглярина.....	13
<i>Ноева (Карманова) С. Е.</i> Границы бытия: образы перевернутого пространства в прозе якутского писателя П. А. Ойунского.....	20

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

<i>Zakharova A. M.</i> Verbalization of comparison in P. A. Oyunsky's heroic epic "Djyuluruyar Nyurgun Bootur" and in the Altai epic "Maadai Kara".....	27
<i>Khubbidinova N. A.</i> Reminiscence of Bashkir proverbs in the Yusuf Balasagunsky's poem "Kutadgu bilik".....	33

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

<i>Evseeva A. V.</i> Semiotics of reflection in the Alitet Nemtushkin's story "The Road to the Lower World".....	41
<i>Степанова В. Е.</i> Структурный анализ литературного олонхо «Эрчимэн Бэргэн» С. С. Васильева-Борогонского.....	50

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Okorokova V. B.</i> To the 90th anniversary of Doctor of Philology, Professor Nikolai Toburokov.....	61
---	----

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-31 Куорсуннаах

DOI 10.25587/litteraesvf.2023.11.57.001

Функционирование литературных аллюзий и реминисценций в романе Е. Слепцовой-Куорсуннаах «Вселенская буря»

А. А. Бурцев, М. А. Бурцева

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Аннотация. Роман Е. Слепцовой-Куорсуннаах «Вселенская буря», посвященный трагическим судьбам национальной интеллигенции, анализируется в предлагаемой статье с точки зрения художественной специфики. По жанровой природе это синтетическое произведение, сочетающее черты романа эпопейного типа с семейной хроникой, имеющей документальную основу. Хотя повествование в романе строится вокруг клана Оросиных, его отличительной особенностью является изображение сложной полифонии индивидуальных судеб и характеров, которые не сливаются в единую массу, а порождают реальное многообразие. Так, крупным планом возникают образы таких исторических фигур, как В. В. Никифоров-Кюлюмнюр, А. И. Софронов-Алампа, П. А. Ойунский, В. Д. Давыдова. Изображение реальных перипетий их частной жизни не только подтверждает романский характер произведения Куорсуннаах, но и свидетельствует о присутствии в нем черт психологической «жанровой генерализации». В этом отношении удачным представляется, как показано в статье, использование автором среди способов освоения художественного материала литературных аллюзий и реминисценций.

Ключевые слова: жанровая генерализация, документализм, эпопея, хроника, полифония характеров, inferнальный герой, литературные аллюзии и реминисценции, духоборы, национальная интеллигенция, арт-кафе «Бродячая собака».

Для цитирования: Бурцев А. А., Бурцева М. А. Функционирование литературных аллюзий и реминисценций в романе Е. Слепцовой-Куорсуннаах «Вселенская буря». Вопросы национальных литератур. 2023, No2 (10). С. 5–12. DOI: 10.25587/litteraesvf.2023.11.57.001

The functioning of literary allusions and reminiscences in the novel "The Universal Storm" by Sleptsova-Kuorsunnakh

A. A. Burtsev, M. A. Burtseva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Abstract. The article analyses the artistic specificity in the novel "The Universal Storm" by Elena Sleptsova-Kuorsunnakh, dedicated to the tragic fate of the Sakha intelligentsia. By its genre nature, this is a synthetic work that combines the features of an epic novel with a document-based family chronicle. Although the narrative in the novel is built around the Orosin clan, its distinctive feature is the depiction of a complex polyphony of individual destinies and characters that do not merge into a single mass, but give rise to real diversity. The article features the images of such historical figures as Vasily Nikiforov, Anepodist Sofronov, Platon Oyunsky, and Vera Davydova. The depiction of the real

vicissitudes of their private lives not only confirms the novelistic character of the Kuorsunnakh's work, but also testifies to the presence of the features of psychological "genre generalization". In this regard, as shown in the article, the use of literary allusions and reminiscences by the author among the ways of mastering the artistic material seems to be successful.

Keywords: genre generalization, documentary art, epic, chronicle, polyphony of characters, infernal hero, literary allusions and reminiscences, dukhobors, national intelligentsia, "Stray Dog" art cafe.

For citation: Burtsev A. A., Burtseva M. A. The functioning of literary allusions and reminiscences in the novel "The Universal Storm" by Sleptsova-Kuorsunnakh. *Issues of National Literature*. 2023. No. 2(10). Pp. 5–12. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.11.57.001

Роман Куорсуннаах «Вселенская буря» («Аан талҕа», 2014) представляет собой сложное с художественной точки зрения произведение, хотя сразу же обращает на себя внимание его документальная основа. Прежде всего возникает проблема определения его жанровой специфики.

Вообще опыт современной мировой литературы свидетельствует о некоем типологическом процессе, который исследователи определяют понятием «жанровая генерализация». В свою очередь этот феномен предполагает процесс обобщения, перехода от единичного к общему, подчинение частных явлений единому принципу. Применительно к жанрам генерализация означает их объединение в некие группы, исходя из конкретного художественного материала и способа его освоения, в частности «принципов философствования, психологизма, морализма, историзма, биографизма, документализма и других». То есть, «соответственно возникают философская, психологическая, моралистическая, историческая, биографическая, документальная и другие жанровые генерализации» [5, с. 431-432].

Роман Куорсуннаах относится к историко-документальной генерализации. Наряду с чертами историко-документального романа, «Вселенская буря» содержит все признаки произведения эпического плана с универсальным охватом жизненных явлений. Об этом свидетельствуют его временные и пространственные координаты. Действие охватывает значительный период в истории России и Якутии с конца XIX в. до начала 1930-х гг. В романе нашли отражение события Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны в центральной России, повстанческого движения и первых лет строительства новой жизни в Якутии, перипетии сложной борьбы за установление автономии. Крупным планом изображены трагические судьбы представителей якутской интеллигенции, подвергшихся преследованиям и репрессиям.

Подлинно эпическая природа произведения сказалась в создании обобщенного образа народа из сложной полифонии индивидуальных характеров, из целой системы полнокровных художественных образов, судьбы которых, тесно переплетаясь друг с другом, смыкаются с судьбой народной. В романе действуют представители всех слоев якутского общества первых десятилетий XX в., люди разных национальностей и поколений, политических партий и взглядов.

Наконец, во «Вселенской буре» присутствуют черты семейной хроники, так как основной повествовательный план строится вокруг трагической судьбы клана Оросинных. Их изображение в частном, семейном кругу могло бы в известной степени сузить общую картину жизни, но, с одной стороны, коллективный портрет одной семьи представляет «целое общество в миниатюре». С другой же стороны, в романе представлены судьбы целого ряда других семей – Слепцовых, Давыдовых, Сивцевых, Сокольниковых, Кривошапкиных, Софроновых, Николаевых, Неустроевых.

Кроме того, в романе много других персонажей, которые отнюдь не сливаются в единую массу, а напротив, порождают реальное многообразие. Мастерство автора проявилось в том, что они глубоко индивидуализированы. Средством индивидуализации

служит изображение личностных взаимоотношений. Герои проходят через многократное испытание не только посредством их отношения к женщине, детям, природе, но и по своим идейным позициям.

Наиболее трагический удел выпал на долю семейства Михаила и Марии Оросиных. Сам Михаил Николаевич в 1929 г. был подвергнут «раскулачиванию» и решением «тройки» отправлен в ссылку в Минусинск и там умер. Его вдову Марию Афанасьевну, конфисковав все имущество, вместе с дочерью Анной и младшим сыном Мишей выставили на улицу. Недолго промышавшись без крыши над головой по чужим углам, она «пропала без вести» в родном улусе. Маленького Мишу подобрали чужие люди и определили в детский дом.

Единственная дочь Михаила Оросина Анна (Анчик) тоже сполна хлебнула горя. Когда училась в Якутске, ее, как сестру участников повстанческого движения, заставили уйти из школы. Друг юности Константин Слепцов, который ей симпатизировал, был вынужден скрываться и вскоре погиб от рук красных. К Анчик проникся было искренним чувством красный комиссар Семен Егоров, но и он погиб, попав в засаду белых повстанцев. Она же просто замерзла бы на большой дороге, если ее, едва живую, не приютили добрые люди. Ей, наконец, несказанно повезло: Анчик попала в простую якутскую семью и обрела любящего мужа, добросердечных сестру и брата. Именно ей суждено было продолжить едва не оборвавшийся род Оросиных и тем самым «выполнить свой священный долг перед великими предками»: «Аана Мэхээлэбинэ Оруһуна-Боппойоонобо эрэйдээх-муннаах олобо бу кыракый балаҕанна түмүктэммитэ. Кини толору дьоллонон, үс оҕону төрөтөн, улуу удьурдарыгар ытык изһин төлөөбүтэ» [3, с. 639].

Старший сын Оросиных Дмитрий, студент Якутского духовного училища, без всяких оснований был обвинен в участии в антисоветском заговоре, жестоко избит и безвинно погиб. Его брат Пантелеймон воспитывался у родственников, потом учился в Иркутске, работал учителем в Таттинском улусе, впоследствии жил в Якутске, служил в театре реквизитором.

Известный краевед Е. Д. Андросов, автор исторической работы «Оросины» (2000), из сыновей Михаила Николаевича и Анны Афанасьевны выделил Василия, назвав его «самым образованным, серьезным и толковым»: «Бииргэ төрөөбүттэриттэн саамай үөрэхтээхтэрэ, өй-санаа өттүнэн саамай боччумнаахтара уонна оттомноохторо ...» [4, с. 61]. Ему удалось поступить в Якутский педагогический техникум, но вскоре по ложному обвинению его отчислили. Во время учебы он посещал творческий кружок при обществе «Саха омок», которым руководил известный литературный критик Василий Леонтьев. На одном из занятий он сравнил пьесы В. Никифорова и А. Софронова о Манчары. По его мнению, Кюлюмнюр в соответствии со своими либеральными взглядами должен был изобразить Манчары как благородного народного заступника, а не как разбойника. Алампа тоже, соблюдая логику жанра, излишне драматизировал образ народного героя. Когда студенты осторожно поинтересовались мнением своего руководителя о «Красном шамане» П. Ойунского, Василий Никанорович, дав высокую оценку драматической поэме, добавил, что ее автор не прямо выразил свою позицию, а использовал суггестивную поэтику и, в частности, создал образ inferнального героя.

В. Леонтьев считал, что современной бурной эпохе лучше других жанров соответствует драма, и что лучше других ее «может отразить писатель, выдвинутый этой самой эпохой» («Бу ытыллар олобу ол олох бэйэтэ үөскэтэн таһаарбыт эрэ киһитэ сатаан суруйар кыахтаах»). Что касается якутской литературы, то ей «нужны свои Грибоедовы, Островские, Чеховы». Кроме того, он посоветовал своему ученику читать Шекспира, изучать монологи его героев и попробовать самому написать пьесу [3, с. 436].

Василий рьяно взялся за дело и почти со скоростью Лопе де Вега написал драму «Дева-большевичка» («Кыһыл Кыыс»). Вспомнив слова своего наставника, который говорил, что «героев надо искать среди своих современников», он сделал прототипом

главной героини Марию Ордахову: «Чахчы, бу санаатагына сага үйэ дьахтарын тыыннаах уобараһа ити Марияҕа түмүллүбүккэ дылы эбит» [3, с. 436]. Пьеса получила одобрение Леонтьева и вскоре с успехом была поставлена в Клубе приказчиков.

Однажды Василий Оросин встретил Серафима Кривошапкина, с которым они подружились, находясь в отряде белых повстанцев. Он едва узнал своего друга, находившегося в плачевном состоянии. Серафим повел Василия в Гостиный двор, там они обнаружили компанию известных поэтов, в том числе А. Кулаковского, А. Софронова, читавших свои стихи. Өксөкүлээх предложил послушать молодых поэтов и обратился к А. Иванову-Кюндэ. Тот скромно заметил, что еще нигде не печатался, но все же прочитал свое стихотворение «Запах дымокура» («Кии сыта»).

Вообще специфической особенностью поэтики романа Куорсуннаах является стремление расширить культурологический контекст произведения, хотя иногда это выглядит несколько искусственно. Например, тот же Серафим Кривошапкин проникся искренним чувством к раненой Марии Ордаховой и решил нарисовать ее портрет, упомянув при этом, что не собирается конкурировать с ... Леонардо да Винчи: «Вася, эн билэбин дуо, мин худуоһунньукпун ээ. Ити Марияны, Леонардо да Винчи курдук да буолбатар, уруһуйдуом этэ». Василий называет его «странным человеком», «чудиком» и говорит, что «сейчас не время думать об искусстве» [3, с. 284- 287]. Или в другом эпизоде романа Митя, старший сын Оросиных, во время празднования ысыах, устроенного в честь его помолвки с Варей Неустроевой, стал рассказывать невесте о древнегреческом философе Диогене, представителе школы киников, который призывал к опрощению и проповедовал культ простого, естественного бытия.

Более удачно автор использует литературные аллюзии и реминисценции. Отношение к литературе, круг чтения служат в романе одним из принципов характеристики героя, в частности, Василия Оросина. Свою начитанность и самостоятельность суждений он проявляет во время дискуссии с Марией Ордаховой о романе Л. Толстого «Анна Каренина». Девушка демонстрирует большевистскую доктрину любви как «буржуазного пережитка» и заявляет, что «время героинь типа Анны Карениной и Эммы Бовари безвозвратно прошло». Василий, наоборот, признает право героини Л. Толстого на любовь и цитирует О. Бальзака («Любовь – единственная страсть, не признающая ни прошлого, ни будущего») и Р. Бернса («Любви не знавший дуралей достоин сожаленья»). Вдобавок он не без иронии называет Ордахову «непорочной девой Марией»: «Баҕар, эн аныгыга киирбэккэ эрэ орто дойдуга танараны төрөппүт дева Мария буолуон» [3, с. 246-247].

В другой раз, попав к прокаженным, пытаясь отвлечь их от боли и страданий, Василий поведал им историю героев романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы». Больной мальчик Афанас, увлеченный его рассказом, говорит своему брату: «Мин Түбүөлбүн, оттон эн Кабасимуода буол. Мин улааттахпына ол танара дьээтин хайаан даҕаны көрүөбүм уонна, баҕар, онно баран олохсуйуобум. Арааһа, онно биһиги курдук ыарыылаахтартан сиргэммэттэр быһыылаах. Эсимирээлдэ үгкүүлүүрүн көрбүт киһи баар ини» («Я буду Фебом, а ты Квазимодо... Когда вырасту, обязательно увижу этот собор, может, буду жить там, где не презирают таких больных, как мы... Хорошо бы увидеть, как танцует Эсмеральда») [3, с. 314-315].

Драматически сложилась и личная жизнь Василия Оросина. Сначала он искренне полюбил этикетски настроенную ярую революционерку Марию Ордахову и даже в одно время пользовался ее приязнью. Но идейные разногласия в конце концов привели их к расставанию, и ему осталось только посвятить ей несколько печальных строк:

*Барда, куотта,
Муус хопто буолан
Кылбайа уһунна.
Ытыам дуу,
Ыллыам дуу...*

Потом судьба свела его с Марией Харитоновой, с которой он сблизился во время подготовки спектакля по пьесе «Дева-большевичка». Они собирались пожениться, но камнем преткновения стали их арест и ссылка. Наконец, в роли его спасительницы выступает еще одна Мария, дочь батюшки Терентия, который однажды приютил его вместе с мальчиком Митей. Отец Терентий был духобором, и в Якутии он обрел вторую родину, но в годы «бури и пуль» был вынужден вместе с дочерью вернуться на историческую родину в центральную Россию. Там произошла новая встреча с Василием Оросиным, который, отбыв часть срока в Соловках, прибыл по этапу в Ярославль и попал в страшную аварию. Лежащего без сознания человека, похожего на якута, подбирает и выхаживает Мария. Предчувствуя беду, отец Терентий просит Василия позаботиться о дочери. Вскоре его дом ограбили и расправились с ним то ли белые, то ли красные. Как сложилась в романе дальнейшая судьба Василия Михайловича и Марии Терентьевны остается неизвестной. Это обстоятельство автор сама считает недостатком произведения [4].

Не менее драматичный характер имела жизненная стезя Романа и Петра Оросиных, сыновей Ивана Николаевича, старшего брата Михаила Николаевича Оросина. Оба они имели прекрасное образование и получили известность: первый – как политик и общественный деятель, второй – как писатель и участник повстанческого движения. Общие сведения о их жизни и деятельности приводятся в книге Е. Д. Андросова [1].

Роман Иванович Оросин был другом и соратником лидера национальной якутской интеллигенции В. В. Никифорова, вместе с ним состоял в числе организаторов демократического «Союза свободы» и партии «Якутский трудовой союз федералистов». Один из образованнейших людей своего времени, владевший несколькими иностранными языками, он активно сотрудничал в обществе «Саха аймах». В 1922 г. по обвинению в контрреволюционном заговоре был репрессирован. Умер во время ссылки в г. Томске. Его смерть оплакал А. И. Софронов в специальном стихотворении «А. У. О. ахтылҕана» («Тоска по Р. И. О.»):

*Олохтоох дойдугуттан уларыян
Одурууннаах олох муоратын
Оргуйар долгунугар оустаран,
Омук сиригэр уларыян
Омуһахха угуллубутун
Орускуотун эбитин ниһ...*

Одной из сквозных фабульных линий, проходящих через весь роман «Вселенская буря», является судьба Петра Оросина и Веры Давыдовой [2]. Их связывали не только родственные узы, но и с юных лет они питали друг к другу глубоко интимные чувства и намеревались создать семью. Это не могло не вызвать неприятие со стороны их родителей и родственников, придерживавшихся патриархальных взглядов, поэтому они вынуждены были отложить свои планы. К тому же Вере симпатизировал не только троюродный кузен, но и не кто иной, как известный ученый-лингвист Семен Новгородов. Но все же спустя несколько лет, весной 1925 г., Петр и Вера официально оформили свои отношения.

Петр Иванович Оросин был талантливым писателем, журналистом и переводчиком, ему принадлежали поэма «Картежник», рассказы «Лгун», «Шалуны», «Скачки». Писал под псевдонимами «Вольский», «Хайыкы», печатался в газете «Кыым», журналах «Чолбон», «Якутские зарницы». Его ценили как художника слова А. Кулаковский, А. Софронов, П. Ойунский. В годы гражданской войны командовал отрядом белых повстанцев. После амнистии стал членом переводческой комиссии, составителем учебных пособий, уполномоченным ЯЦИК. В 1927 г. примкнул к движению конфедералистов, был осужден и сослан в Соловецкий лагерь сроком на пять лет. После освобождения находился в ссылке в Иркутской области, умер в 1954 г. в Бодайбо. Полностью реабилитирован в 1991 г.

В романе нашли отражение реальные перипетии личной жизни и других известных личностей. В частности, сложные взаимоотношения Анемподиста Софронова и Евдокии Яковлевой переданы через восприятие Романа Оросина, с которым Алампа вместе учился в Ытык-Кюельской школе. Как и А. Кулаковский, он не одобрил выбор своего друга: «Алампажа холоотоххо Дуунньа билиитэ-көрүүтэ намыһажа, туохха даҕаны туолбат харахтаажа, айар үлэ алыбыгар ылларбыт уйан куттаах киһини бэйэтиттэн ордорон биэбэйдэһиэх быһыыта көстүбэт этэ...» [3, с. 199].

Роман Оросин, хотя и косвенно, имел отношение и к семейной драме В. В. Никифорова, с которым близко сотрудничал во время работы во властных органах. Кюлюмнюр не находил понимания со стороны своей жены, придерживавшейся патриархальных взглядов. По версии В. Е. Васильева-Харысхала, он полюбил молодую образованную девушку Марию Николаеву, родственницу Оросиных, которая училась в Петербурге и была знакома с самой Анной Ахматовой. В драме Харысхала «Вознесение» («Бастын хатыыта», 2006) В. Никифоров признается своему другу П. Сокольникову о личной драме и просит у него совета, как поступить, может, оставить общественную стезю, жениться на Марии и заняться литературным творчеством. Но тот говорит, что у него иной удел – он должен нести свой крест дальше и взойти на Голгофу.

Кроме того, Роман Оросин оказывается поверенным в судьбе П. Ойунского, который сообщил ему о своей предстоящей женитьбе на Фекле Сокольниковой, но с горечью добавил, что она тяжело больна: «Илиитин көрдүү дойдубар тахсаары сылдыбын... Сулумах сылдыар ыарахан дьыала. Ол эрэри эмиэ да бу дьалхааннаах кэмнэ намчы сибэккини түөскэ кууһар хайдах эрэ. Ол тостуута туохтааҕар да аһыылаах буолара буолуо... Сүөкүлэ улаханлык ыалдыар ээ. Чэ, туох буолуой, таптыырым оччо» [3, с. 193]. К сожалению, предчувствие не обмануло поэта, через полгода совместной жизни в 1923 г. «божество его сердца» («мин ырам ымыыта») скончалась. П. Ойунский посвятил ей стихотворение «Другу Феклуше» («Доборбор Сүөкүччэҕэ»), а в 1924 г. перевел на якутский язык песню Маргариты «Что случилось со мною» из первой части «Фауста». Любовь в сознании героини Гете оказывается тесно связанной с мыслью о смерти. Какое-то смутное предчувствие заставляет ее думать одновременно о любви к Фаусту и о смерти. Перевод из трагедии Гете, по-видимому, был навеян образом покойной жены Ойунского. Не случайно поэт назвал его «Горечь утраты».

Реминисценция как художественный прием используется автором не только для передачи психологического состояния человека, но и как способ характеристики условий, в которых содержались заключенные ГУЛАГа. Так, начальник конвоя, сопроводивший репрессированных якутов до Соловков, заявил, что он исполняет роль Вергилия, проводника по девяти кругам Дантова ада, на вратах которого начертана грозная надпись: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». На этом оторванном от всего мира клочке земли балом правил воистину дьявол («Бу дойду... киһи моһуонуттан тахсан өһү эрэ өрө тутар чакчы бааччы Дьөлөрү Үтүгэн түгэҕэ») [3, с. 536]. Но якуты не смирились, и трое самых сильных и отважных «сумели-таки совершить немыслимый побег» [6, с. 109].

Якутская интеллигенция, образованная молодежь собиралась в домах купца I гильдии, мецената Г. В. Никифорова или богатого рыбопромышленника К. Д. Спиридонова. В одном из эпизодов романа на заимке последнего встретились писатель и ученый-тюрколог Гавриил Баишев-Алтан Сарын, известный критик Василий Леонтьев, поэты Алексей Кулаковский, Анемподист Софронов и Платон Слепцов, Роман, Петр и Дмитрий Оросины. Поэты стали читать свои стихи, потом по пути домой Платон с Романом заговорили о политике. Платон поделился своей тревогой: «Предстоят суровые испытания. Дело может дойти до прямых столкновений между нами» («Кыргыһы кытаатар буолла. Баҕар, бэйэ-бэйэбитигэр утарыта турар кэммит да кэлиэ») [3, с. 141].

В романе «Вселенская буря» получили отражение события не только общественно-политической, но и литературной жизни Якутии и России в первые десятилетия XX в.

Так, в 1913 г. В. В. Никифоров в составе якутской делегации принимал участие в Санкт-Петербурге в мероприятиях, посвященных 300-летию Дома Романовых. Именно там произошла встреча Василия Васильевича с Марией Николаевой, уроженкой Ботурусского улуса, выпускницей Якутской женской гимназии. По просьбе автора она перевела на русский язык его драму «Манчары». Сохранились воспоминания В. В. Никифорова о посещении знаменитого арт-кафе «Бродячая собака» и выступлении перед взыскательной публикой с чтением своей пьесы. Тогда же ему удалось добиться разрешения цензуры на ее постановку.

В романе Куорсуннаах эти эпизоды из воспоминаний В. В. Никифорова получили художественную интерпретацию. Кюлюмнюра привела в литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака» Мария Николаева. Уже далеко за полночь в кафе медленно, как тень, «вплыла» Анна Андреевна Ахматова. Автор уподобила ее появление с «проникновением великой удаганки» («улуу удабан киирбитинии»). Все вскочили на ноги, стали почтительно кланяться, самые смелые целовали кончики ее пальцев: «Оо, она отличалась неопишуемой красотой... На ее бледном лице выделялись полные печальных дум глаза, в глубине которых пряталась неземная мудрость. Тонкий нос с горбинкой говорил о ее родовитом происхождении. Ее словно выточенная голова, высоко сидевшая на белоснежной лебединой шее, свидетельствовала о твердом характере» («Оо, кини киһи сатаан ойуулуу суобун курдук кэрэ этэ. Кубаҕай сирэйигэр диригинник олобут, санныяр санаанан туолбут хараҕа бу дойдуга суох диригин муудараны кистиирэ. Кырылаах хонуруулаах мунна төрүт хаанын кэпсиирэ. Чочуллубут төбөтө куба манан моойугар үрдүктүк олооро холлубат чин санаатын туоһулуура...») [3, с. 123]. «Сейчас или никогда!», – воскликнула Мария, и они с Василием Васильевичем устремились к столику Ахматовой. Она сразу обратила внимание на их «необычную внешность» («ураты дүһүннээх дьону тута бэлиэтии көрдө») и усадила рядом с собой. «Вы меня помните, Анна Андреевна?», – заикаясь от волнения, спросила Мария. «Как же не помнить якутскую святую Марию. Что нового?», – в ответ спросила Ахматова. «Это известный представитель нашей якутской интеллигенции Василий Васильевич Никифоров-Кюлюмнюр. Он очень хочет познакомиться с Вами», – бойко заявила Мария. «Я очень рада, что среди моих друзей появился еще один достойный якут. Саха относятся к тюркской нации, в моих жилах тоже течет кровь этого великого народа, так что мы родственники», – сказала Анна Андреевна и протянула руку Никифорову [3, с. 124].

В ноябре 2016 г. представительная якутская делегация во главе со спикером парламента Якутии А. Н. Жирковым, будучи в Санкт-Петербурге, посетила возрожденный в 2001 г. литературно-артистический клуб «Бродячая собака», завсегдатаями которого были в свое время такие известные представители российской творческой интеллигенции, как А. Ахматова, Н. Гумилев, О. Мандельштам, И. Северянин, В. Маяковский, К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, и передала в картинную галерею легендарного арт-клуба портрет В. В. Никифорова-Кюлюмнюра.

Наряду с собственно литературными реминисценциями, в арсенале автора представлены мифологические и библейские аллюзии. Например, для характеристики неистового большевика Кости Сокольников использовано выражение «взгляд Горгоны»: «Куоста Сокуонньукап чэкиистэр бэйэлэрэ даҕаны саллар, толлор киһилэрэ. Кини куһаҕаннык көрбүт киһитэ бөрүкүтэ суох дьылҕаланарын бары бэркэ билэллэр. Мээнэбэ «Глаз Горгоны» диэн ааттаабаттар» [3, с. 416-417]. Как известно, в древнегреческой мифологии Горгона Медуза – одна из трех сестер горгон, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос, и взгляд на ее лицо обращал человека в камень. В романе же, наоборот, того, на кого Сокольников бросал «косой взгляд, ждал печальный удел».

В другом эпизоде романа, когда в дни Февральской революции произошло мирное низложение царской власти, в Якутске губернатор барон фон Тизенгаузен в знак лояльности к ЯКОБ (Якутский Комитет общественной безопасности) стал обниматься

и целоваться с его членами, политссылными Г. И. Петровским и Г. О. Охнянским, последний не без ядовитой иронии заявил: «Иуда уурааһына аһы да буолар эбит» («Поцелуй Иуды, оказывается, очень горький»). Он имел в виду знаменитую картину М. Караваджо, на которой была изображена сцена «Поцелуя Иуды», ученика Иисуса Христа. Само выражение «поцелуй Иуды» стало символом корыстного предательства.

Итак, значение романа Е. Слепцовой-Куорсуннаах, с одной стороны, заключается в том, что в нем нашли отражение трагические судьбы национальной интеллигенции. В этом отношении по своей проблематике «Вселенская буря» перекликается с драмами В. Васильева-Харысхала, которые тоже относятся к историко-документальной «жанровой генерализации». С другой стороны, изображение личностных взаимоотношений исторических персонажей, их настроений и переживаний свидетельствует о присутствии в романе черт психологической «жанровой генерализации». В этом отношении удачным представляется использование автором среди способов освоения художественного материала литературных аллюзий и реминисценций.

Л и т е р а т у р а

1. Андросов Е. Д. Оруоһуттар. Докумуоннарҕа, норуот сэхэннэригэр олоһурбут историческай эссе-сэхэн. – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 288 с.
2. Бирэ Дабыйдап. Бүөтүр Оруоһун-Хайыкы. Ахтыылар, ыстатыйалар, очеркалар, хоһооннор, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Медиа-холдинг «Якутия», 2011. – 183 с.
3. Куорсуннаах. Аан талҕа: роман. – Дьокуускай: РИО медиа-холдинг, 2014. – 640 с.
4. Куорсуннаах: Инникини көрөр, кэскили саныыр дьоннордоох этибит... // Саха сирэ. – 2014. – Ахсынны 18 к.
5. Луков В. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. – М.: Издат. центр «Академия», 2008. – 512 с.
6. Слепцова (Куорсуннаах) Е. В. На дне пропасти: Повесть. – М.: Б. С. Г. – Пресс, 2018. – 160 с.

References

1. Androsov E. D. Oruohuttar. Dokumuonnarga, noruot sehenneriger oloһurbut istoricheskaj esse-sehen. – D'okuuskaj: Bichik, 2000. – 288 s.
2. Biere Dabyydap. Бүөтүр Оруоһун-Khajyky. Akhtyyalar, ystatyjalar, ocherkalar, khohoonnor, kepsenner. – D'okuuskaj: Media-holding «Yakutiya», 2011. – 183 s.
3. Kuorsunnaakh. Aan talҕa: roman. – D'okuuskaj: RIO media-holding, 2014. – 640 s.
4. Kuorsunnaakh: Innikini көрөр, keskili sanyyr d'onnordooх etibit... // Sakha sire. – 2014. – Akhsynn'y 18 k.
5. Lukov V. A. Istoriya literatury. Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashikh dnei. – M.: Izdat. centr «Akademiya», 2008. – 512 s.
6. Sleptsova (Kuorsunnaakh) E. V. Na dne propasti: Povest'. – M.: B. S. G. – Press, 2018. – 160 s.

БУРТЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРТЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.512.157-31Мординов.09

DOI 10.25587/litteraevfu.2023.88.45.002

Vasily Manchary as the epic ideal of Nikita Leglyarin, the protagonist of Nikolai Mordinov's novel "Springtime"

*S. I. Egorova** ✉, *E. I. Efremova***

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*, Yakutsk, Russia

Yakut Institute of Economics and Law**, Yakutsk, Russia

✉ sargi@mail.ru

Abstract. Vasily Manchary was a Sakha legendary figure, who fought against the local rich and was known as a “noble robber”, narrator, and a performer of folk songs. The article deals with the study of his influence upon the personality of Nikita Leglyarin, the main character in the novel “Springtime” (“Vesennyyaya Pora”) by Nikolai Mordinov. The image of Vasily Manchary, considered by people as their hero, becomes the ideal for Nikita Leglyarin after the folk legend. Thanks to the author’s mastery, the whole unity of the materials from fiction and reality has been reached and revealed. The motifs of the main character’s actions are convincingly shown in combination with the Manchary’s image.

Keywords: novel, edition, Vasily Manchary, folklore, problematics.

For citation: Egorova S. I., Efremova E. I. Vasily Manchary as the epic ideal of Nikita Leglyarin, the protagonist of Nikolai Mordinov’s novel “Springtime”. Issues of National Literature. 2023. No. 2(10). Pp. 13–19. DOI: 10.25587/litteraevfu.2023.88.45.002

Василий Манчары – эпический идеал главного героя романа «Сааскы кэм» (“Весенняя пора”) Н. Е. Мординова Никиты Леглярина

*С. И. Егорова** ✉, *Е. И. Ефремова***

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова*, г. Якутск, Россия

Якутский экономико-правовой институт**, г. Якутск, Россия

✉ sargi@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается исследование влияния легендарного образа Василия Манчары, выступавшего против гнета местных баев, широко известного в народе как «благородный разбойник», сказитель и исполнитель народных песен на становление личности главного героя романа Н. Е. Мординова «Весенняя пора» Никиты Леглярина. Образ Манчары, возведенного народом на статус национального героя, становится идеалом Никиты Леглярина на основе народных легенд. Благодаря мастерству автора достигнуто единение художественного и жизненного материалов. В сочетании с образом Манчары убедительно показаны мотивировки поступков и действий главного героя романа.

Ключевые слова: роман, редакция, Василий Манчары, фольклор, проблематика.

Для цитирования: Егорова С. И., Ефремова Е. И. Василий Манчары – эпический идеал главного героя романа «Сааскы кэм» (“Весенняя пора”) Н. Е. Мординова Никиты Леглярина. Вопросы национальных литератур. 2023, No2 (10). С.13–19. DOI: 10.25587/litteraevfu.2023.88.45.002

Introduction

The novel of the People's writer of Yakutia Nikolai Mordinov – Amma Achchygya "Springtime" was created in a difficult, still ambiguously evaluated time. It is about equally complex, contradictory processes that took place in Yakutia and throughout Russia at the beginning of the twentieth century. The fate of the novel itself turned out to be controversial, which was not only an outstanding literary event of the era, but also largely a reflection of its contradictions. The existence of two editions of the work, the degree and direction of the author's corrections and improvements, the scope and nature of the changes made to the second edition – all this is undoubtedly interesting and relevant for scholarly research.

The first edition of the novel (published in 1944) caused a lot of controversy among critics, but then it was analyzed only from an ideological point of view. In 1952, the second edition of the novel "Springtime" was published (reprints: 1963, 1970, 1982, 2006) – the main work of Mordinov. The volume of the first edition of the novel was 19,5 printed sheet, the circulation was 4 thousand. The second edition doubled in volume due to a significant expansion of the content. New storylines were added, previously existing characters were developed, more than 60 new characters were introduced. The subject matter was significantly expanded: the pre-revolutionary life of the Yakuts, the events of the October Revolution and the Civil War were highlighted, the role of the Russian people in the formation of the Soviet power of Yakutia was emphasized. The both editions are the property of a wide range of readers. However, in the history of Yakut literary criticism, the interpretation of Mordinov's novel sounds different in different years. The study of the by literary critics shows that the early theoretical understanding of the novel in most cases was based on the principles of socialist realism.

The main part

Mordinov's novel is a deeply original work that grew up on the native Yakut soil. In this regard, it is important to remember that the material of the novel was felt by the writer himself from childhood. Yet in fact, the life of the hero is broader, socially more "voluminous" than the life of the author. The main theme of the novel and the conflict unfolding in it are mainly related to the life of the Yakut people, with a description of the peculiar way of life of the population, its customs and mores, geographical conditions of the region, etc. In this situation, the treasury of oral folk art has served as a storehouse for a talented writer, a master of the artistic word, for the full expression of his idea.

The purpose of this work is to study the role and impact of the legendary Vasily Manchary ideal on the formation of the personality of the protagonist Nikita Leglyarin in the novel "Springtime". It is important to emphasize that among the many corrections and innovations, the folklore motif, which sounded in the form of the legend of Manchary, did not change in the second edition of the novel. In addition, if in the first edition of "Springtime", the legendary people's advocate Vasily Manchary is mentioned in three storylines, then in the second edition his name sounds four times. After the publication of the Mordinov's main book, many opponents who reviewed the work called the fact of using this image as a creative finding of the writer. Here it is appropriate to recall the conclusion by N. V. Chertova: "Nikita is destined to hear the name of Vasily Manchary from the mouth of old Daria. This image does not accidentally run through the entire novel. However, it was said about him: the Yakut reader does not need to tell in detail the story of Manchary, the brave defender of the Yakut poor" [12, p. 87].

As for the Chertova's statement, indeed, regardless of the rare mentions, the image of the legendary hero of the Yakut people Vasily Manchary can rightfully be considered a driving detail for revealing the character of the main character – Nikita Leglyarin in the novel "Springtime". In this regard, the question is quite natural: why did Mordinov choose the folklore image of Manchary as the Nikita's ideal? Answering this question, we can assume some reasons that prompted the writer to use the image of the people's hero in his work. Firstly, from the history of Russian-Yakut literary ties of the Soviet period, it is known that Nikolai Mordinov, more than

other Yakut writers, experienced the power of Gorky's creative influence. Mordinov, who always listened to the advice of the great Russian writer, theorist and organizer of all multinational Soviet literature, could not ignore the following remarks of Gorky: "Fiction can develop normally only in close contact with oral folk poetry, creatively mastering its centuries-old experience" [5, p. 329]. Speaking about the use of the best artistic means of native folklore, in 1934, at the first All-Union Congress of Writers, he stressed that the works of oral poetry "exemplary form the entire life, socio-historical experience of the working people." The delegate of this first forum of writers of the USSR was together with Platon Oyunsky and Nikolai Mordinov. Gorky, addressing ethnic writers, expressed the following words that have become textbook: "The beginning of the art of the word is in folklore. Collect your folklore, learn from it, process it" [5, p. 329]. Of course, the presence of folklore motifs in Mordinov's novel "Springtime" can also be regarded as a direct creative response to Gorky's appeal, but K. Zelinsky was right when he wrote: "It is hard to believe that one writer, at the direction of another writer, suddenly begins to attract ethnic folklore." [7, p. 101].

In fact, in the years after the First Congress of Writers of the USSR, when the novel was being created, Mordinov, who had long been determined in his attitude to folk folklore, quite had literary and aesthetic views. The writer demonstrated an excellent knowledge of the oral poetic creativity of his people back in the cycle of stories written in the late 1920s. In particular, in the stories "The Mystery of the yurt", "The knife does not cut its handle", "On a fishing trip", "The Spirit of the sacrificial tree", "The Boy talked", the folklore influence of the artistic traditions of the Yakut people is felt. Thus, there is every reason to assert that Mordinov approached the novel "Springtime" quite prepared, clearly imagining how to distribute the elements and details of the original ethnic material.

Secondly, in the novel "Springtime", the desire to create an artistic image of the historical period of the establishment of the Soviet power served as an idea. And the main problem of the novel should be considered the formation of the personality of a new person. It is safe to assume that when creating the novel, Mordinov clearly understood that a plausible picture of the description of the evolution of the character of the protagonist can be achieved only taking into account the realities of the truth of life. The image of the storyteller Daria was conceived and embodied in the novel precisely for these purposes. According to the writer's plan, fairy tales, proverbs, sayings alone were not enough to plant the first seeds of protest against the oppressors of the people in the boy's soul. When there was no written language and the population did not speak Russian, folklore was an organic part of the consciousness of the literary hero to a greater extent. Yet the readers of those years were attracted not only by fabulous hyperbolized heroes. The people needed the ideal of a person who really lived, who found in their minds the features of fabulousness. Such is the people's advocate of Manchary. The noble trait of the epic ideal of the people's advocate, of course, served as a means of education. In 1937, A. E. Kulakovsky's essay "Manchaary" was published for the first time in the "Proceedings of the Scientific Research Institute of Language and Culture of the YASSR" [9]. The republication of this work for a wide range of readers took place in 1945. We read about the twelve "adventures of Manchaary" systematized by the classic in the form of modern studies of Kulakovsky's heritage in ethnography and folklore: "... in this direction, he appears not only as a researcher, but also as a bilingual writer who purposefully and fruitfully worked on translations of texts into Russian, where the cycle about Manchaary can well be attributed to a model of artistic narration about a legendary personality" [11, p. 49].

In his novel "Springtime" Mordinov introduced a new song about Manchary, composed by himself in 1940 [7, p. 73]. This song is designed to shed a clear light in the mind of the protagonist Nikita, contributing to the creation of his own human ideal. The song narrated in the novel by the storyteller Daria is of great interest for understanding the image of the hero and is the anchor point of the novel linking the events. It also has an important compositional value. The following specific features of Daria's song about Manchary can be distinguished. First

of all, the text is replete with constant epithets such as: *"tuunukteekh tyurme, kharanga khaaiyy, tonguu khaar, byyppastar bylchyng, byhyikaan atakh, bardam baai, dokhsun baai, kyryktaakh toyon, djohunnaakh syurekh, telenneekh surekh, kylaannaakh tyuyuleekh"*, etc. A large place in the song is occupied by frequent repetitions (here, Manchary's own name is repeated nine times, and the indefinite form of the verb is 3 persons, plural, *"deheller"* – "they say" is pronounced twelve times). The repetition of the name of Manchary in the semantic meaning emphasizes the importance of the personality of the characterized image, elevates the hero from the people. And the verb *"deheller"* denotes the finished thought of each verse and is considered as an indicator in this image of everything truly human. With the abundance of constant epithets in the text, which are especially developed in folklore, the everyday verb *"deheller"* brings the reader closer to the material presented in the text. Thus, the song is accessible to the reader, perceived by him easily. Daria's song is characterized by anticipation of events: the song, in addition to describing Manchary's appearance and physical data, contains a specific appeal against the rich: *Syuhyuekhpyut syuyureenin, kharakhpyt uularyn / Uulaannar uoyallar, / Baai yube baryta – bar djommut syumete... / Manchaary aatygar / Tuhanyyn doghottoor!" – diir yuhyu, – deheller...* [3, 42].

In the lines, when he remembers his homeland, people close to him, the spiritual appearance of the hero is revealed. The tautologies *"er berde", "tolonnookh sureghe", "sis tyabyt yuyohyuger, taas djyaangy yurdyuger"* – all together in a semantic context create the image of a brave man with a fiery heart and eternally in a state of high flight.

Semantic repetitions, which are indicated in all five initial couplets, emphasize, strengthen the solidity of the image of Manchary, clarifying the content of the created image. As for the hyperbolization of the description of the image of the hero, characteristic of folklore, in this Daria's song, Mordinov avoids their use, clearly trying to convey to the reader's perception of the real hero. In this perspective, the final part of the song is symbolically closely connected with the very title of the novel – "Springtime". In the song, through the mouth of Manchary, it is said that spring will come soon and that "along with the streams, it will come." And the narrator, on whose behalf the song is sung, in turn, encourages the listener that it is in the spring that the hero of Manchary, the people's intercessor, will appear.

The song of the storyteller Daria about Manchary, created by Mordinov in the style and traditions of the Yakut heroic song, in this context, is an organizing beginning for the future struggle against representatives of the oppressive class of the protagonist of the novel Nikita Leglyarin. The importance of the artistic and literary significance of the song is that it achieves the compositional harmony and integrity of the architectonics of the novel, the refinement and perfection of the poetic language.

Taking into account all these patterns, we will try to identify the role and significance of the legend of Manchary in the formation of the personality of the novel's protagonist Nikita Leglyarin.

As for the settings of the description of Nikita's thoughts about Manchary, they are the same in the two editions of the novel. At the same time, the initial form of presentation of this folklore motif is preserved – Daria's inspired story about the legendary hero Manchary.

As noted above, Manchary's name in the second expanded edition of the novel is mentioned in four plot episodes. In the first chapter, in the part "In a small yurt", it is narrated that the old lady Daria, on one of the joyful winter evenings, when the Erdyalir gets a red fox, once again tells the legend of Manchary: "The inhabitants of the yurt did not sleep for a long time that night. A bright fire burned for a long time in the fireplace, cheerfully shooting red embers. At the end, old Daria told about Vasily Manchary. Every time, telling about him, my grandmother re-created the image of the eternally young, always brave and beautiful Manchary – a people's hero, defender and favorite of the Yakuts. It is narrated only on the most solemn evenings, when happiness – a rare guest – will visit a poor man's yurt" [4, 35]. A plausible description gives the reader the opportunity to clearly imagine the night in the poor

yurt of the Leglyarins, the bright fire in the fireplace, the singing voice of the old lady Daria, the inhabitants of the yurt and among them the boy Nikita, as if hypnotized by the content of the legend he heard. In this storyline, although the little Nikita's reaction is not depicted for certain, the reader understands that the song about the Manchary has forever sunk into the little Nikita's heart, and old Daria has kindled an unquenchable fire of the struggle for the liberation of her native people. The following two episodes, where Manchary's name is mentioned, confirm the depth of Nikita's perception of his image. First of all, Nikita's perception is influenced by the personal authority of the narrator – the old lady Daria. Even the first pages of the novel confirm that the storyteller Daria enjoys indisputable authority among the inhabitants of the yurt. The Daria's main audience is her family members and the Leglyarins have been living for a long time, easing their poor lot with her fairy tales and legends, apt proverbs and sayings. Each of them understands that although fairy tales are created on the basis of fiction, but they have a "hint" of the truth. Thus, little Nikita, who absorbed an abundance of wise thoughts and bright colors of the description of fairy-tale heroes from an early age, could quite reasonably see in his imaginations a real person, the folk hero of Manchary. This fact can be explained as follows: Nikita, on the one hand, is naturally endowed with an increased sense of perception of information, the ability to distinguish between lies and truth; on the other hand, observing with childlike spontaneity the still incomprehensible external difference between people, intuitively feels that somewhere there is a person who is able to correct this imbalance. And on such a ready-made soil, the first seeds of protest were planted – songs about Manchary. Not the least role is played by the fact that Daria is very close to Manchary in her spiritual appearance. Establishing such a semantic parallel in the novel, the writer may have relied on the reader's spiritual baggage. It is known that the people's hero was the first poet-improviser, olonkhosut, whose thirty works are precisely established [9, p. 118]. Manchary, who lived in the first half of the 19th century, considering that the novel describes the events that took place in 1910, was close to Daria also because, from a temporal point of view, the distance between them is not so significant. Consequently, the vital authenticity of the presentation of the material by word of mouth by folk singers was preserved, which subsequently contributed to the level of perception of the story by little Nikita. He remembered the hero throughout the novel. Although Nikita in the novel remembers the name of Manchary, it would seem, only three times, but the motif runs through the whole novel. This motif occupies a special place among the many folklore inclusions. From a compositional point of view, this motif develops in the following order: the writer does not abuse this detail of the novel's storyline, deliberately avoiding unjustified repetition. Nevertheless, the stability of the inner semantic core of the novel is achieved by using this detail only in episodes that reflect the evolution of the character of the main character, his internal conflict, maturing rebellion in the mind of little Nikita. The concise, reasonable use of this folklore motif in the reader's mind creates the impression that Manchary has forever remained the ideal of the main character of the novel. At the same time, the reader does not pay attention to the number of this motif. In the episodes, the author shows that the image of Manchary acts as a source of spiritual power for Nikita. So, in the part "Boarding House", which tells about the years of Nikita's studies at the Talba boarding school, the episode is truthfully depicted when, by the will of fate, for daring to raise his hand against the prince's son, Nikita is locked in a dark classroom. The offended and insulted boy goes through various bold plans of revenge on the rich. First of all, he remembers Vasily Manchary: "To run away from the boarding school and become Vasily Manchary... <...> to take away the wealth of all sorts of Sygaevs and Veselovs and distribute it to the poor and have-nots." And then little Nikita completely imagines himself in the place of Manchary: "It is his, Nikita, glorious name that thunders in ten Yakut districts, it is the poor who glorify and love him, it is the rich who tremble before him.

Nikita is mighty, his face is handsome,
He was a formidable man.
The rich princes were shivering,
When he went on a raid...[4]

So they will sing about him, Nikita Leglyarin. The main one among the rebels is Nikita. They say he is so strong and smart that all the rich people of the world will not be able to do anything with him. He will gather a huge army, of course, all the ladies will join him – and then beware, rich people! But the poor of the whole village will be waiting for him with impatience.

Here comes the spring! Forests are turning green.
Streams are running from the mountains.
The sky is shining with a blue road,
The sun's rays are warming.
Soon, soon Nikita will come,
Wait for him, friends!" [4, 36].

This fragment of the episode symbolizes Nikita's faith in a better future, his desire to change the lives of the poor through rebellion. Thus, Manchary calms Nikita's childish soul, instilling faith in his own strength.

Conclusion

Thus, the epic image of Manchary, with all the emotional and artistic power of his presentation in the storyline of the novel, is an organic unity, the integrity of the artistic structure, performing its own inherent function in the overall composition. This is evidenced by the naturalness of the development of the events taking place in it, and the entertaining plots taking place in these parts of the novel, in which this motif is involved. In combination with the image of Manchary, the motivations of the actions of the main character of the novel, Nikita Leglyarin, are convincingly shown.

Through the monolithic image of Vasily Manchary, which permeates the work from beginning to end, the inner world of a man – a world converter – is revealed.

References

1. Amma Achchygyja. Saasky kem. Roman. – Yakutsk, 1994. – 312 s.
2. Amma Achchygyja. Saasky kem. Roman. – Yakutsk, 1982.
3. Amma Achchygyja. Vesennyya pora. Roman. Avtorizovannyj perevod s yakutskogo A. N. Dmitrievoj i L. F. Kornilovoj. – M: Sov. Rossiya, 1978. – 544 s.
4. Amma Achchygyja. Ys tomnaah talylybyt ajymn'ylar. T. 1. – Yakutskaj: Sakha sirineej kinige izdovota, 1966. – 511 s.
5. Gor'kij A. M. O literature. – M., 1953. – 329 s.
6. Zhiga I. Razgovor na ser'eznyu temu // Druzhba narodov. – 1948. № 18. – S. 328-333.
7. Kanaev N. P. Po tradiciyam Gor'kogo // Polyarnaya zvezda. – 1977. № 1. – S. 101.
8. Kanaev N. P. Iz istorii rusko-yakutskih literaturnyh svyazej sovetskogo perioda. – Yakutsk, 1973. – S. 22.
9. Kulakovskij A. E. Manchaary // Sbornik trudov nauchno-issledovatel'skogo Instituta yazyka i kul'tury pri SNK YaASSR, 1937. № 1. – S. 129-155.
10. Pisateli zemli Olonho. Bibliograficheskij spravocnik. – Yakutsk: Bichik, 2000. – S. 118.
11. Sivtseva-Maksimova P. V., Il'ina N. I. Fol'klornye istoki kak modeliruyushchie kategorii v khudozhestvennyh tekstakh A. E. Kulakovskogo // Voprosy nacional'nykh literatur. 2021. № 1 (01). – C. 41-51. <https://www.litteraessvfu.ru/jour/article/view/16>
12. Chertova N. V. Yakutskaya epopeya. Slovo russkoj kritiki o yakutskoj literature. – Yakutsk. 1986. – S. 89-97.

Л и т е р а т у р а

1. Амма Аччыгыя. Сааскы кэм. Роман. – Якутск, 1994. – 312 с.
2. Амма Аччыгыя. Сааскы кэм. Роман. – Якутск, 1982.
3. Амма Аччыгыя. Весенняя пора. Роман. Авторизованный перевод с якутского А. Н. Дмитриевой и Л. Ф. Корниловой. – М: Сов. Россия, 1978. – 544 с.
4. Амма Аччыгыя. Ус томнаах талыллыбыт айымньылар. Т. 1. – Якутскай: Саха сиринээби кинигэ изд-вота, 1966. – 511 с.
5. Горький А. М. О литературе. – М., 1953. – 329 с.
6. Жига И. Разговор на серьезную тему // Дружба народов. – 1948. № 18. – С. 328-333.
7. Канаев Н. П. По традициям Горького // Полярная звезда. – 1977. № 1. – С. 101.
8. Канаев Н. П. Из истории русско-якутских литературных связей советского периода. – Якутск, 1973. – С. 22.
9. Кулаковский А. Е. Манчаары // Сборник трудов научно-исследовательского Института языка и культуры при СНК ЯАССР, 1937. № 1. – С. 129-155.
10. Писатели земли Олонхо. Библиографический справочник. – Якутск: Бичик, 2000. – С. 118.
11. Сивцева-Максимова П. В., Ильина Н. И. Фольклорные истоки как моделирующие категории в художественных текстах А. Е. Кулаковского // Вопросы национальных литератур. 2021. № 1 (01). – С. 41-51. <https://www.litteraessvf.ru/jour/article/view/16>
12. Чертова Н. В. Якутская эпопея. Слово русской критики о якутской литературе. – Якутск. 1986. – С. 89-97.

ЕГОРОВА Саргылана Ивановна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: sargi@mail.ru

EGOROVA Sargylana Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЕФРЕМОВА Елизавета Ивановна – студент Якутского экономико-правового института.

E-mail: liisaliss@mail.ru

EFREMOVA Elizaveta Ivanovna – student, Yakut Institute of Economics and Law.

УДК 821.512.157-31 Ойунский.09

DOI 10.25587/litteraesvf.2023.66.67.003

Boundaries of being: The images of inverted space in the prose of the Yakut writer Platon Oyunsky

S. E. Noeva (Karmanova)

ИГИиМПН СО РАН, г. Якутск, Россия

✉ Noyeva79@mail.ru

Abstract. The article attempts to study the images of inverted space in the prose of Platon Oyunsky. Special attention is paid to the initial images of the artistic chronotope, forming a scheme of inversion: this is the underwater and lower worlds, the urban space in the writer's stories. The author of the article also highlights the image of the border, which forms a specific character of the Yakut world, also asserting the exceptional image of the initiating hero. The scholarly paradigm of this study also includes the issue of the body (clothing) as the main component of the image of the "I" of an urban person, defining the boundaries of his/her social sphere.

Keywords: chronotope, inversion, mirror world, evolution of the hero, boundary of space.

For citation: Noeva (Karmanova) S. E. Boundaries of being: The images of inverted space in the prose of the Yakut writer Platon Oyunsky. *Issues of National Literature*. 2023. No. 2 (10). Pp. 20–26. DOI: 10.25587/litteraesvf.2023.66.67.003

Границы бытия: образы перевернутого пространства в прозе якутского писателя П. А. Ойунского

С. Е. Ноева (Карманова)

ИHRNIPP SB RAS, Yakutsk, Russia

✉ Noyeva79@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка исследования образов перевернутого пространства в прозе П. А. Ойунского. Особое внимание уделяется инициальным образам художественного хронотопа, образующим схему перевернутости – это подводный и нижний миры, пространство города в рассказах писателя. Автор статьи выделяет также особым вниманием образ границы, формирующей специфический характер якутского мира, также утверждающей исключительный образ иницирующего героя. В научную парадигму данного исследования включается и проблема тела (одежды) как основного составляющего образа "Я" городского человека, определяющего границы его социальной сферы.

Ключевые слова: хронотоп, перевернутость, зеркальный мир, эволюция героя, граница пространства.

Для цитирования: Ноева (Карманова) С. Е. Границы бытия: образы перевернутого пространства в прозе якутского писателя П. А. Ойунского. *Вопросы национальных литератур*. 2023, No2 (10). С. 20–26. DOI: 10.25587/litteraesvf.2023.66.67.003

Introduction

Among the spatial images that play a preforming role in reflecting the original picture of the world, participating in the actualization of the individual field of the author's "I", a special place is occupied by the poetics of "boundaries" as a marker of identity / difference, indicating the limit of human states and the surrounding world, as well as the diversity, streamlining of their characters and properties.

The concept of the border, which creates clear symmetries of the far/ near, light/ dark, vertical/ horizontal, old/ new, etc., is one of the most significant in the culture of the Sakha people, through the acceptance of which the entire image of the national "I" is broadcast [2; 6; 8].

An interesting representation of specific images of the border is noted in the work of the Yakut writer, the founder of literature P. A. Oyunsky (1893-1939). For the first time in the emerging Yakut prose of the early twentieth century, the writer outlines attempts at experimental structuring of the artistic space in the stories "Kudangsa the Great" (1929), "Nikolai Dorogunov is a dashing Fellow" (1936), the stories "Yakut turned into an evil Spirit", "A Lucky hunting place", "Dream or Reality?" (1926), "Heart", "Kerekeen" (1936). The artistic adaptation of the border image allowed the writer to implement an interesting inversion scheme in the context of the chronotope of works. The inversion of meanings is actualized throughout the chronotopic field of novels and short stories: in the system of characters, leitmotives, plot, compositional construction.

The main part

As the main component of Yakut geotopics, the functional property of the border is endowed with the concept of cold ("Kudangsa the Great", "Nikolay Dorogunov is a dashing fellow", "Kozhemyaka's Dream", "Heart"). P. A. Oyunsky designed a number of associations with the motif of cold as a geocultural feature of the Yakut land, modeling the territorial boundaries of the northern macrocosm, isolating and emphasizing a special the dimension of this world. In such artistic images as *typteles tymnyy* (lit. *flaming frost*), *burgunas muoha bulguruta toor tymnyyt* (lit. *frost, on which the bull's horn freezes and cracks*), *chuunkunas tymny* (up to the ringing cold), *kyydaan dyybar* (up to the white frost), *wat dybar* (up to the fiery frost), *argyardaah aan balaha dybar* (up to the breathing frost), *kyden fog* (up to the flying fog), *khaar* (lit. *snow*), *muus* (lit. *ice*), *harawa baryk tuyn* (lit. *deep dark night*), *iheyer imehneh harawa* (lit. *silent passionate darkness*), *kyhyn iye hotun* (lit. *Mother – Mrs. winter*), etc., active associations are being created that participate in the implementation of the concept of cold, without which it is impossible to fully reveal the unique conceptual sphere of the northern earth. The dark, endlessly dragging, hopeless winter as the main chronotopic reality is almost always present in the writer's prose, highlighting the catastrophism of the world, the crisis, the gap in the relationship between man and society.

Fantasticism, illusory as the main characteristic of the Yakut chronotope in P. A. Oyunsky, ratified by the motif of cold, is further supplemented and enhanced by the functioning of an inverted quasi-space (in the complex of oneiric chronotope of dreams, hallucinations, near-death visions or fantastic, strange for the perception of rural residents of the city of Yakutsk). Here, the central place is mainly occupied by the mirrored otherworld, expressed in the space of the lower world, the underwater kingdom, or always fantasmagorically amazing for the alaas-meadow (rural) resident of the Gostiny Dvor in the city of Yakutsk.

Firstly, it is worth paying attention to the specific functioning of the mirror effect in the works of P. A. Oyunsky: not as a direct reflection of reality, repeating it in all its manifestations, but in the opposite sense – as an element that reveals the pictures of reality in an inverted, opposite plane.

The underwater world, where the poor old man falls upside down in the story "Kozhemyaka's Dream", is a mirror foreign sphere in relation to the Middle World, where the old Kozhemyaka experiences the worst share, who has not known in his lifetime either wealth and honor, or the affection of a desirable woman, the love of his own children.

The description of the mirror space located under the pit in the forest can also be traced in the story "Yakut turned into an evil spirit" (1935). Life in the yurt of a wealthy family, where a young guy miraculously ends up, at first glance is parallel to the life of the Aiyy tribe. However, in this case, we are witnessing an absolutely happy life of a full-fledged family, which the orphan boy is deprived of: there is food in contentment, a warm yurt, sensitive mutual relations, a beautiful girl.

The story "A Lucky Hunting Place" also creates a grotesque, phantasmagoric image of a wonderful land. Hunter Djollookh (Lucky) Semyon finds himself in a wonderful place where different animals are strangely concentrated as much as possible. By a fantastic chance (when scooping water into a bucket, lighting a fire, even when slapping his thigh with joy, etc.), a happy hunter always comes across various game: grouse, fox, moose, squirrel, fish – that Semyon escapes from this area, considering it a sin to be too lucky.

As you can see, the second reality, into which the heroes get through an ice hole (or pit), is endowed with signs of a fantastic, ideal, beautiful country that does not exist in reality. The ambivalent meaning of the pit, the hole in the context of the writer's prose has a deep artistic load – the image of a hole (abyss) can to be understood as a place of temporary death or interpreted in the meaning of the female genital organ, expressing the birth, initiation of the hero.

It is appropriate to note here that in the writer's prose, water is endowed with a chronotope-forming function as a boundary between worlds. Mirror water plane, water line (*lit. uu myndaata, nyuura, ursuna*) in the construction of the world, Sakha has a pronounced, clear delimiting function, dividing the world into two realities. In a vertical projection, water divides the world into surface and underwater parts, and in a horizontal projection, it divides into right / left or east / west shores.

The archetypal meaning of the border-river has one of the organizing plot-forming roles in the story "Keerekeen". Separating the space of Central Yakutia into two parts – the eastern (*ilin enger*) and western (*arghaa enger*) – the great Lena River performs the function of the main border in the picture of the Sakha world. Crossing the river, the shaman Keerekeen escapes from his enemies. The horizontal line of the river establishes a sacred line – enmity and internecine wars remain forever on the opposite bank. The shaman Keerekeen finds the peace and harmony he lost on the other side of the river, and begins to expand his family in a new place, which suffered in bloody fights on the west bank.

The inverted (mirror) world, as a world with the possibilities of recombining images, roles, plots, becomes a negative space and generates images of the illusory life of happy, rich, beautiful antipodean characters who have everything in contentment: food (festivities and entertainment at the Gostiny Dvor in the city of Yakutsk, where all the high society of the Yakut province gathers; a successful hunting place, where fish and game are in abundance), money (the underwater kingdom, where the old man-kozhemyak got; Gostiny Dvor, where the merchant Dorogunov loses all the money), beautiful women (a girl with whom a young man who has turned into an invisible spirit falls in love; the ideal maiden Nuoraldyma Kuo in the underwater world; Suosaldzhya Tolbonnooh, the daughter of the head of the Gostiny Dvor).

Distant images of beautiful maidens, ideal women (the maiden of the underwater kingdom of Nuoraldyma Kuo; a beautiful girl from quasi-space, who was loved by a guy who turned into an evil spirit; the beauty Suosaldzhyya, who is admired from all over Siberia), who are personifications of Dreams that sharply delimit reality and dream, remain an integral part of the mirror illusory dimension.

About the virgin of the country of the underwater kingdom, it is said as follows: *(...) kyys oo diakhtar haastara syyyllan, innere tateren turaakhtyyr ebit... Surekhteekh ere surahe hamnyah barahsana... Mannyk beyeleekh baara buoluo dien sanaabat etym. (...) Baghar kinini korbotohyum buollar, ol kurduk uchygei olokhton, ulakhan djolton mappytym ee dien sanaaghaonoogho yllaryam suogha ete (lit. (...) in front of him stood a girl of indescribable beauty, with sable eyebrows, rosy cheeks... Any man's heart would have shuddered to see her at least once... If I had not seen her, I would not have been grieved that I had lost that good life, that happiness)* [4, p. 163].

The beautiful women from the story "Yakut turned into an evil spirit" and the story "Nikolai Dorogunov is a dashing fellow" are also functionally close to the idea of a bright distant dream, high aspirations of a person: *Kyystara kyntaldjyan, djuhune kulumneen, ime teteren, kharagha alaaran, khaaha subullan, munna chomchollon, dje, kyys da kyys... Mannyk uchygei kyyhy kini koro ilik etc. (lit. Their daughter walks as if she is swimming, shines like a summer day, the blush on her cheeks is playing, her eyes are burning. Not a girl, but a dream. He has never seen such girls)*[4, p. 154]; *I'll get to the road, "Nyukulai said: Ooksi! Kun siriger erin-utu uoskuur daa buolar ebit. Ama mantan atyn orduk baar buoluo duo?" – dii sanaata. Соѳөөнэннен sokhto, хаѳуаѳунан хаѳаата (lit. Nikolay Dorogunov: "Okie! Is it really possible that such a beauty, a wondrous miracle can exist on this earth. There is probably no one better and nicer than her)"*[4, p. 86],

The regularity of the game situation, based on oxymoronic images and plots, reflects the catastrophism of the real world, which is inhabited by lonely heroes – orphans, the poor, old men-skinners, vagabonds, etc. The heroes of a catastrophic reality, an old man, an orphan boy, an unlucky hunter, still come back and stay in their imperfect world:

Walbut kulgaaaa kuugunata, meiyite-sanaata ytylyna, oyun-toyun suterde... Oydonon kelbite, bii otonnuu syldjybyt siriger, kongdoi tongurges annygar umsa tuhen sytar ebit (lit. The guy had a buzzing in his ears, dizzy, he lost consciousness... And when he woke up, he found himself lying under a tree, in the very place where he was sitting and picking berries)[4, p. 156];

Suos-soghotokhto muus tyah tostu baran dolguida, kuolum uuta tolute teben bulduguratta, urur kuugen irim-dirim orguida, etym atiyar dar gynna, orute dallarnaat, oibonum uutunen uhulu oion kurulaabytynan takhsammyn, oibon hayyar tiere tahilla tustum...Uhuutaabytynan uhuktan kalbitim – oromor ebippin... (lit. Suddenly I heard a loud sound of broken ice, the waters of the lake bubbled, everything frothed, spun, I waved my hands and flew up through the ice hole ... Hit hard – and woke up on my bed ...)[4, p. 166].

An interesting compositional construction has in the topological system of P. A. Oyunsky's works the image of the City, which is mirrorily opposed to the Alas/village. Located on the western side of the Tuimaada Valley near the banks of the mighty Lena River, the city of Yakutsk is constantly on the edge of an existential abyss, which is most clearly felt when a rural "alaas-meadow" person crosses the lines of his native environment and enters someone else's urban space, learning in it the destructive influence of globalization. Yakutsk, as a portal that opens up the bright and dark sides of life for a person, becomes the personification of the duality of the world and receives the most vivid embodiment when reflecting the spiritual crisis of society in the context of intermediateness – the mental threshold.

The absorption of people by the city, who lose their individuality in it and turn into a faceless human mass, becomes one of the main existential problems in the works of the first writers, touching on the problems of national identity, loss of their own roots, marginality.

The perception of the city as a quasi-world, incomprehensible to a villager, a chthonic dark space that reveals human vices, is seen in the story "Nikolai Dorogunov – a dashing fellow". The ambivalent nature of the Lady of the City (many Yakut writers have a female face in the city – Kuorat Khotun, Djokuuskai Ebe Khotun), generous and capricious, open and unapproachable, generous and cruel, is identified with the changeable nature of a woman, referring to the images of the chthonic dark mother or harlot/mistress and can be revealed in the dual essence of the "inverted" image of the beauty Suosaldzhyya Tolbonnookh-Motrena, the daughter of the head of the Gostiny Dvor, which is an ornament ("the soul of Yakutsk, the golden bird of the Gostiny Dvor (...) the daughter of Prince Morudos the beautiful Moturuona") of this topos and maybe even his personification, in relation to which the concepts of beauty and ugliness, innocence and vulgarity, honor and dishonor, light and dark, truth and lies, etc. can be used.

Within the framework of this study, when interpreting the text about the beauty from the Gostiny Dvor, you can re-refer to the image of the pit (ice hole). The ice-hole in the expression *Mrs. Living Room is a non-drying ice-hole, a majestic arena, the center of the*

idle life of the city of Yakutsk"[4, p. 80] in the context of the story has an ambivalent meaning. In the first case, when receiving the topological reality of the Gostiny Dvor, the image of an ice hole can symbolize eternal abundance, prosperity (food, money) as a topological space associated with trade, gambling, entertainment, etc. Or, in the aspect of the theme of the feminine principle of the City, in an inverted sense, it can be interpreted in the context of the motif of debauchery and debauchery (about the beautiful Suosaldya Motren, daughter of the head of the Gostiny Dvor), expressing the symbolism of emptiness (an absorbing hole, a female genital organ, a chthonic hole).

Fatal is the human fate, which is determined to be doomed by the uncontrollable elements of a big city. Personified in the image of the Lady of the City, the dark hypostasis of the female essence is endowed with vices and internal monsters. She seems to beckon, delight, and at the same time seduces, rejects the little man. The vices generated by it (fornication, gambling, alcohol, etc.) easily and irrevocably change the human essence, awakening the second, dark essence of human nature.

About the first hero of the adventurous plan in the Yakut prose of Nikolai Dorogunov, mainly topologically attached to the city, it is said that until some time he was a city ragamuffin, a beggar: *(...) Djokuuskai bardaatyn baranaa, yalyn horuoskahyta, uulussatyn ilechiiskate (...)*. In this case, the inverted roles of the character, the dual essence of a person, are ratified, revealed mainly within the framework of the urban environment, which easily turns from a beggar into a merchant and back.

By the way, gambling as one of the purely "urban" vices is described by the Yakut writers A. E. Kulakovsky, P. A. Oyunsky, N. E. Mordinov-Amma Achchygyya, I. M. Gogolev, V. S. Solovyov-Bolotur, etc., and personifies in their works an impulsive, chaotic beginning that has a dark power over a person. Here it should be noted that the female face also has a deck of cards (*haarty maatyyska* – lit. Mother Deck of cards).

In the image of the City, all the complexes of a person described in detail in psychology are reflected in the female nature: subconscious submission and fear of a "little" person before his mother, as well as his libido, the dream of a beautiful woman, reverent attitude towards her, inviting and repulsive, loving and ruining at the same time – it is a reflection of these difficult relationships of a person beyond the line (or rather in the City) becomes an artistic goal that laid the foundations of P. A. Oyunsky's philosophical prose.

In the structure of the amazing reality of the city, special importance is attached to the affirmation of the role and place of a person, his self-identification. At the same time, clothing as the main component of the image of the "I" of an urban person, defining the boundaries of his social sphere, occupies one of the most significant places in the material of the writer's works.

The following excerpts from the story are devoted to descriptions of urban fashion, through which the image of urban youth at the beginning of the century is most vividly displayed: ".... he put on a backgammon bag, a lynx fur coat, threw a fox hat trimmed with beaver fur on his head, did not forget embroidered mittens, and a bright satin sash sparkled like a rainbow"[4, p. 60]. About the outer clothing of the rich residents of the capital, it is said: "... the daughters of the noble Yakut rich in ancient fur coats, in high hats made of Kamchatka beaver fur, wearing silver breast ornaments, ride horses"[4, p. 59].

The clothes of the townspeople, multi-layered, elegant and bright, making up the specific appearance of a citizen of the early twentieth century, wrapped in furs, leather, hung with silver jewelry - personifies the appearance, the body of the city. Urban fashion may well be considered as a marker revealing the attachment of a person to the urban reality, clearly distinguishing the rural resident from the urban, the poor from the rich, the simple worker from the intellectual, etc.

The image of the urban dandy as a unique urban phenomenon is a symbol of being chosen and becomes an integral part of the adventurous image of Nikolai Dorogunov. It is not for nothing that he, a city dude, attaches great importance to clothes as a symbol of familiarization

with a high social status and a way of entering various spatial circles: *"The meaning of fashionable, elegant clothes is to open the borders of inaccessible lands and to be admired as a noble rich man-toyon"*[4, p. 58].

A person, wearing clothes as a social mask, tends to "dissolve" in the space of the city – having dressed up like most citizens in urban clothes and having lost his individuality, he "merges" with the crowd, crosses borders and becomes an organic part of the Body of the city.

The way of dressing up in clothes (or dressing up as an opportunity to become different and cross other territories) in an urban way, aptly noticed by the first writers A. E. Kulakovsky, P. A. Oyunsky, A. I. Sofronov-Alampa, N. D. Neustroev, as one of the eloquent symbols of the transformation of the body in an inverted world, represents an artistically grounded way attachment of consciousness to the urban world.

The role of the border in the design of the personal, identification qualities of a person crossing it has a twofold character. In the first case, as can be seen from the sobbing examples, a person "dissolves" in a new environment or situation, losing his individuality. And in another case, crossing the border is indifferent to the inner dynamics of the hero, when the changes that led to the modification of the previous personal attitudes create a new quality of the hero's consciousness, initiating and updated.

The symbolic role of the threshold / border noted by M. M. Bakhtin in the transformation of human consciousness, "where a crisis, a radical change, an unexpected reversal of fate takes place, where decisions are made, the cherished line is crossed, renewed or perished" [1, pp. 198-199], is most deeply and vividly traced in the story "Kudangsa the Great".

The destruction (dissolution) of the boundaries of the world by the rebel hero, predetermined by the strong ideological orientation of the character, contradicts the age-old laws of the "attraction" of the universe [5, p. 14]. The legendary ancestor of Kudangsa changes the laws of the universe – forces the shaman to shatter the Cholbon star (Venus) to save his family from the universal cold; tries to become related to the devilish tribe of abaasy by marrying his only daughter to a demon, in order to stop pestilence and death in the Middle Earth. Kudangsa the Great, violating the boundaries of the universe, thus violating the moral age-old foundations of the people, brings upon himself a terrible punishment, retribution - mother earth does not accept his mortal body.

In the story, the concepts of *kharanga* (darkness), *kyaragas* (narrowness) are consciously used and, as a result, a model of a small space is masterfully constructed. Violation of taboos, fear of the gods, shaman, winter dark evening, a small booth – the space is gradually loaned. "They slammed the doors, pushed the smoke hole, closed the windows, came in-moved, whispered-whispered. The shadows became longer, the darkness became thicker", "The fire in the furnace was extinguished, they threw ashes, they patted from above to be sure, everything plunged into twilight and silence" [4, p. 20].

The space is extremely narrowed also by the fact that the only light source, the firelight, is extinguished. Enclosed space it is used by the author to create the impression of alienation of the autonomous human microcosm from the vast external world of kuyaar (universe, cosmos). However, it is worth noting that a person in the prose of P. A. Oyunsky is always in inseparable unity with people. This is noted by the widespread use of the language formulas "yus Sakha" (Sakha Yakut clan), "uraanghai Sakha" (Sakha Urankhai), "iye uusa" (maternal clan), "djon-serge" (people), "Sakha aimaga" (all Yakut people), "aiyy aimaga" (aiyy clan), "aiyy-haan aimah" (genus aiyy), "kyra-khara noruot" (working people), "uruu-bile djon" (relatives), "bar djon buka barylara" (all people), defining the multiplicity of subjects, the solidity of human society.

And therefore, it is impossible to apply the concept of Death to a hero who, although he has transgressed all possible boundaries, but, most importantly, is in close connection with his people. His denial of the previous principles, life guidelines and laws of the universe is analogous to the complex process of initiation, which manifests itself in the metamorphosis of the continuation of the external appearance, actions, thoughts of the hero. Metempsychosis, reincarnation, rebirth are the main categories of P. A. Oyunsky's poetics. The main

character's line continues in time even after his death: the energy of Kudangsa the Great is transformed into the seed of chaos (*iireen siemete*). In the same way, the thoughts of Nikus burned at the stake, which turned into a fiery seed (*uot sieme*), find continuation in time. The heart of the brave Meheechi (the hero of the story "The Heart"), who heroically died at the hands of the White Guards, becomes a flame that captured the mountain peaks. The storyline of the deceased Nikolai Dorogunov, as you know, continues with a conceived child. The ability of the seed (the seed of chaos, the seed of fire, the child-seed) to transform into a new substance is associated with the concept of the rebirth of the hero, overcoming boundaries, the revival of new forces, opportunities. V. N. Toporov's remark is applicable to the characters of P. A. Oyunsky that "... the achievement of the goal by the subject of the path always entails an increase in rank in the socio-mythological or sacred status" [7, p. 258].

Conclusion

Thus, through the prism of the problem of the "lost" between the worlds, as well as the hero who initiates when crossing the border, the specificity of the Yakut text as a unique system reflecting the peculiarities of national consciousness, expressed primarily in self-identification, initiation of a person in a new reality for him, is quite organically and interestingly revealed. Cognition of the environment in the state of the border, on the threshold or on the way, reflected in the philosophical prose of P.A. P. A. Oyunsky, it becomes an artistic way of revealing the existential possibilities of a person who finds himself in a state of transformation of consciousness.

References

1. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Izd.4. – M.: Sov. Rossiya, 1979. – 318 s.
2. Danilova N. K. Tradicionnoe zhilishche naroda saha. Prostranstvo. Dom. Ritual. – Novosibirsk: Geo, 2011. – 122 s.
3. Lotman Yu. M. Semiosfera. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SpB, 2001. – 704 s.
4. Oyunsky P. A. Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh t. T. 2. – Yakutsk: Bichik, 1993. – 442 s.
5. Okorokova V. B. Puti razvitiya prozy v literaturakh narodov Yakutii. – Yakutsk: Izd-vo yakut. un-ta, 2001. Ch.1. – 68 s.
6. Sidorov E. S. Obraz mira u drevnih yakutov // Epicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Yakutsk: izdanie YaF SO AN SSSR, 1978. – S. 162-166.
7. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. – M.: Nauka, 1983. – S. 227-284.
8. Utkin K. D. Kul'tura naroda saha: etnofilosofskij aspekt. – Yakutsk: Bichik, 1998. – 366 s.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд.4. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
2. Данилова Н. К. Традиционное жилище народа саха. Пространство. Дом. Ритуал. – Новосибирск: Гео, 2011. – 122 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2001. – 704 с.
4. Ойунский П. А. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 2. – Якутск: Бичик, 1993. – 442 с.
5. Окорокова В. Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии. – Якутск: Изд-во якут. ун-та, 2001. Ч.1. – 68 с.
6. Сидоров Е. С. Образ мира у древних якутов // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск: издание ЯФ СО АН СССР, 1978. – С. 162–166.
7. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.
8. Уткин К. Д. Культура народа саха: этнофилософский аспект. – Якутск: Бичик, 1998. – 366 с.

НОЕВА (КАРМАНОВА) Саргылана Еремеевна – к. филол. н., научный сотрудник отдела фольклора и литературы, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: Noyeva79@mail.ru

NOEVA (KARMANOVA) Sargylana Eremeevna – Candidate of Philological Sciences, Researcher, Department of Folklore and Literature, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems SB RAS.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 81-112:398.224(=512.157)

DOI 10.25587/litteraesvf.2023.73.16.004

**Вербализация сравнения в героическом эпосе
П. А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур»
и в алтайском эпосе «Маадай Кара»**

А. М. Захарова

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ mza888@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены способы выражения сравнительных отношений в якутском и алтайском героических эпосах. Родственные якутский и алтайский языки в настоящее время активно изучаются в сравнительном плане с целью выявления специфических различий. Сравнительная конструкция ранее была изучена в якутском языке Ю. И. Васильевым, теоретическое освещение дано Е. И. Убрятовой, в алтайском языке сравнительная конструкция специально исследована Л. Н. Тыбыковой. Материалом исследования послужили якутский героический эпос «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Ньургун Боотур Стремительный») и алтайский эпос «Маадай Кара». **Ключевые слова:** эпос, якутский народ, алтайский народ, сравнение, сравнительные конструкции, субъект сравнения, эталон сравнения, модуль сравнения, основосложение.

Для цитирования: Захарова А. М. Вербализация сравнения в героическом эпосе П. А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» и в алтайском эпосе «Маадай Кара». Вопросы национальных литератур. 2023, No 2 (10). С. 27–32. DOI: 10.25587/litteraesvf.2023.73.16.004

**Verbalization of comparison in Platon Oyunsky's heroic epic
"Djuluruyar Nyurgun Bootur" and in
the Altai epic "Maadai Kara"**

A. M. Zakharova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ mza888@mail.ru

Abstract. The article considers the ways of expressing comparative relations in the Yakut and Altai heroic epics. The related Yakut and Altaic languages are currently being actively studied in comparative terms in order to identify specific differences. The comparative construction was previously studied in the Yakut language by Yu. I. Vasilyev, theoretical coverage was given by E. I. Ubryatova; in the Altai language the comparative construction was specially studied by L. N. Tybykova. The material of the study was the Yakut heroic epic "Djuluruyar Nyurgun Bootur" ("Nurgun Botur the Swift") and the Altai epic "Maadai Kara". **Keywords:** epic, Yakut people, Altai people, comparison, comparative constructions, comparison subject, comparison standard, comparison module, constitution.

For citation: Zakharova A. M. Verbalization of Comparison in Platon Oyunsky's heroic epic "Djuluruyar Nyurgun Bootur" and in the Altai epic "Maadai Kara". Issues of National Literature. 2023. No. 2(10). Pp. 27–32. DOI: 10.25587/litteraesvf.2023.73.16.004

Введение

Сравнение – это не только метод выражения эмоции и оценки, но и сигнал для их обнаружения читателем. Оно создает особое выразительное значение, предназначенное для создания художественного образа. Сравнение интересно как показатель особенностей творческого мышления народа. Богаты сравнениями произведения устного народного творчества, и, в первую очередь, героические эпосы народов. Они характерны для героического эпоса большинства тюрко-монгольских народов. Как отмечает И. В. Пухов, «особенно характерна для алтайского эпоса гипербола в сочетании со сравнениями» [6, с. 43].

По утверждению Н. М. Девятова, при сравнении устанавливаются связи и отношения между предметами и явлениями действительности, что позволяет наглядно представить сравниваемые предметы и явления, глубже понять и познать их. Так же в своей работе автор пишет, что в поэтике и стилистике сравнения выступают формой художественного мышления и языковым средством выразительности. В лингвистике сравнительная конструкция рассматривается как конструкция, в которой находит отражение логическая модель (структура) сравнения [3, с. 2].

Основная часть

Сравнения в основном характерны для описания внешности персонажей эпосов. Каждая сравнительная конструкция имеет такие обязательные компоненты, как «субъект» и «эталон» сравнения. Термин «эталон» применяется для обозначения масштаба, величины, на которую ориентируется субъект, для любого семантико-стилистического вида сравнения. Морфологическими показателями сравнений в якутском эпосе являются именные аффиксы (-тык, -ча, -тынгы, -тай), глагольные аффиксы (-рбаа, -мсый, -лаа, -тый) и служебные слова: курдук ‘как’, саба ‘равный, подобный чему-л.’, тэнэ ‘подобно’, дылы ‘наподобие’, кэриэтэ ‘словно’.

В якутском героическом эпосе эталонами сравнения, описывающими внешность богатыря, выступают разнообразные тематические группы: бионимы (*харса* ‘бык’), фитонимы (*тиит* ‘лиственница’) и артефакты (*батас* ‘пальма’, *унуу* ‘копье’, *курдьэх* ‘лопатка’, *уун* ‘уздечка’, *ох* ‘стрела’). Наибольшее количество лексем, участвующих в составе сравнения богатыря, относится к артефактам. В сравнении богатыря артефакты имеют огромное значение как показатель силы и мужественности.

В описании богатыря делается акцент на его внешний вид и силу. Сначала дается детальное описание физической силы богатыря, затем его внешний вид. Рассмотрим пример:

*Кумуулаах хопто курдьэх саба
Куораан далай ытыстаах эбит,
Эридэһиннээх үүн тиэрбэһин курдук
Энсиһлээх эрилкэй турулук,
Хатааһыннаах хара чабыл,
Хатыы-түтүү харахтаах эбит,
Харса олорор курдук
Хара субул хаастаах эбит...*

‘Широкие ладони его,
Как две деревянных лопаты больших,
Вытесанные из цельных колод.
Остры, зорки его глаза,
Черные неподвижны зрачки.
А вокруг зрачков сверкают белки,
Как в уздечке серебряных два кольца,
Так они круглы и светлы
Черные длинные брови его
У переносья сошлись,
Будто сшиблись рогами
Два черных быка’ [5, с. 169].

В данном примере описывается верхняя часть тела богатыря. Ладони богатыря уподобляются деревянным лопатам, глаза – серебряным кольцам, брови – черным быкам. В этом случае объектами являются ладони, глаза и брови, а эталоном сравнения выступают деревянные лопаты, серебряные кольца и два черных быка.

В следующем отрывке верхняя часть богатыря сравнивается с мечом, а нижняя – с многозубчатой острой. В описании внешности главного богатыря употреблены сравнительные конструкции только со служебным словом *курдук* ‘как’:

*Үөһээ өттө
Үгүү-батас курдук,
Аллараа өттө
Атара-арбыйа курдук,
Быыра ох курдук
Быһыы-таһаа быакаллыбыт...*

‘Схожа верхняя часть его
С мечом иль рогастиной боевой.
Схожа нижняя часть его
С многозубчатой острой’
[5, с. 116].

Высоко практичным способом выражения сравнительных отношений в современном алтайском языке является использование в качестве показателя сравнения служебных слов, прежде всего специальных частиц и полузнаменательных частиц и полузнаменательных слов с компаративной семантикой.

Морфологическими показателями алтайских сравнений являются аффикс *-дый* (*-дий*, *-тый*, *-тий*), присоединяемый к имени и аналитические показатели сравнительных отношений – служебные слова *кептү*, *кеберлү*, *бүдүштү*, *чылап*, которые можно перевести «с лицом, обликом» [1, с. 44].

В эпосе «Маадай-Кара» есть два описания богатыря: первое – старого богатыря Маадай-Кара и второе – его сына, юного богатыря Когюдей-Мерген.

Так выглядит некогда сильный, ныне уже немощный Маадай-Кара:

*Килин кара бу кабакту,
Кирбе[e] кара бу сагалду,
Коо кыран бу тумчукту,
Кош агаштый бу кирбиктү.
Көрбөн көзи көк чолмондый,
Көөркий бойы су алтындый.
Жарым кайа бу лай жаакту,
Бүдүн кайа бу бүдүштү,
Кызыл-барал бу чырайлу
Баатырым болбой кайтты.
Өзгөи онын болот бүткен,
Өбчи онын таш тар бүткен.*

‘Брови — как черный бархат,
Густая черная борода,
Нос, подобный прямому хребту горы,
Ресницы, похожие на северный лес,
Зоркие глаза, подобные синим звездам,
Сам он, дорогой,
чистому золоту подобен.
Щеки его — с полскалы,
Голова его — с целую скалу,
Лицо его — как красный маральник
Таков был мой богатырь.
Внутренности его словно из стали,
Гортань его словно из камня’
[4, с. 260].

Сравним описание сына Маадай-Кара, у которого глаза уподобляются синим звездам, а язык огненному пламени:

*Ай жалтагы бу чырайы
Алтын кептү жалтырт этти,
Күн жалтагы бу чырайы
Кумуш кептү мызылт этти.
Жалан кептү жал дар төжөи
Жалтырашкан турбай кайтты.
Айан кептү бу кабагы
Мызылдаган турбай кайтты.
Коо кыран бу тумчукту,
Кош аркадый бу кирбиктү,
Килин кара бу кабакту,*

‘Светлолунное его лицо,
Как золото, сверкало,
Яркосолнечное его лицо,
Как серебро, сияло.
Широкая, как поле, грудь
Сверкала — таким он стоял.
Чистый, как луг, его лоб
Блестел — таким он был.
Нос его — как прямой хребет [горы],
Ресницы — как северный лес,
Брови — как черный бархат,

*Кирбее кара бу сагалду,
Солонгыйды бу качарлу,
Толы айды бу чырайлу.
Кӧргӧн кӧзи кӧк чолмондый
Суркурап туртан јаʼду болтыр.
Айткан тили от жалбыштый,
Айдып отурар јаʼду болтыр.
Атту-чуулу баатыр болтыр,
Алмын-чулмун кӱлӱк болтыр.
Ак јаландый бу јардына
Алтан уур кой јӱргедий.*

Борода – как черное урочище,
Щеки – как радуга,
Лицо – как полная луна,
Глаза, подобно синим звездам,
Сияли – таков его взгляд.
Язык, как огненное пламя, –
Красноречивым он был.
Славный он был богатырь,
Необыкновенный он был кюлюк.
На широких, как луг, лопатках
Шестьдесят отар могут пастись'
[4, с. 314]

Как видно, в изложении алтайских богатырей – отца Маадай-Кара и сына Когюдей-Мерген – большая разница не выявляется, кроме их возраста. Нос богатырей сравнивается с прямым хребтом, ресницы – черным лесом, глаза – синими звездами. Разницу можно заметить при сравнении бороды, щеки и лица. У Маадай-Кара борода густая, щеки с полскалы, лицо как красный маральник, а у Когюдей-Мергена борода, как черное урочище, щеки, как радуга, лицо, как полная луна. По этим образным сравнениям можно представить себе круглое, мужественное, но в то же время молодое лицо Когюдей-Мергена и отважное, мужественное, но старческое лицо Маадай-Кара.

В данных примерах объектами сравнения выступают борода, брови, нос, ресницы, глаза, щеки, голова, лицо, а эталонами сравнения – хребет горы, лес, звезды, скалы, маральник, луна, радуга и черный бархат. В описании алтайских богатырей употреблены сравнительные конструкции со служебными слова *бӱдӱштӱ, кептӱ*.

В алтайском героическом эпосе эталонами сравнения, описывающими внешность богатыря, выделяются такие тематические группы: фитонимы (лес '*агаи*', маральник '*барал*'), природные явления (радуга '*солонгы*', урочище '*кирбее*', камень '*таи*'), небесные светила (звезды '*чолмон*', луна '*ай*'), металл (золото '*алтын*', серебро '*кумуш*', сталь '*болот*'), цвет (черный бархат '*кара килин*'), рельеф местности (хребет '*кырлан*', скала '*кайа*', поле '*јалан*', луг '*айан*').

Сравнение в алтайском эпосе «*Кӧргӧн кӧзи кӧк чолмондый*» 'Зоркие глаза, подобные синим звездам' переводится на якутский язык как «*көрбүт хараҕа күүх чолбон курдук*». Здесь показатель сравнения *-дый* алтайского языка присоединяется к слову *чолмон* (ср. як. *чолбон*). А алтайское сравнение «*Күн јалтагы бу чырайы Кумуш кептӱ мызылт этти*» 'Яркосолнечное его лицо, Как серебро, сияло' можно перевести на якутский как «*күннүү сырдык сэбэртэ үрүн көмүстүү (курдук) сыдыаайар*». В этом примере послелог *кептӱ* алтайского языка схож с *курдук* в якутском.

В сравнительных конструкциях описания образа якутского богатыря в качестве эталона выступает лиственница (пр.: *Крепкие, мощные мышцы его, / Словно корни лиственниц вековых. / Голени прямые его, / Как два толстых длинных бревна / Из очищенных лиственниц молодых*), а в образе алтайского богатыря частым эталоном сравнения – скалы и горы (пр.: *Нос, подобный прямому хребту горы, / Щеки его – с полскалы, / Голова его – с целую скалу*).

Сравнения в якутском языке могут выражаться путем основосложения. Л. Н. Харитонов называет такой способ основосложения парными сочетаниями, которые «по значению соответствуют русским сложным прилагательным типа *снежно-белый, пепельно-серый*» [7, с. 133].

Для определения данного словообразовательного способа выражения сравнения, исследователь Ю. И. Васильев использует термин «способ основосложения», также указывает, что при помощи данного способа в якутском языке образуются сложные компаративно-интенсивные прилагательные [2, с. 13]. Он отмечает: «Суть этого

способа состоит в том, что существительное, представляющее эталон сравнения, непосредственно примыкает слева к названию признака – модулю сравнения, выраженному прилагательным» [2, с. 37].

Помимо этого Ю. И. Васильев делит на две группы сочетания, образованные способом основосложения: сочетания, в которых в роли второго компонента (модуля сравнения) выступают названия цветов и сочетания, в которых в аналогичной роли выступают названия качеств, признаков кого-то или чего-либо.

В примере *үүт манан халлаан* ‘что молоко, белое небо’, где *үүт* ‘молоко’ – эталон сравнения, *манан* ‘белый’ – модуль, *халлаан* ‘небо’ – объект сравнения: *үс хартыгастаах / үрдүк үүт манан халлаан* [5, с. 24] ‘трехъярусное белое небо’ [5, с. 17], букв.: ‘высокое трехъярусное, что молоко, белое небо’. Слово *үүт* ‘молоко’ использован для подчеркивания, усиления значения модуля.

Похожее сравнение неба есть в следующем примере *үрүмэ долгуннаах* ‘волны с пенкой’, где волны неба сравниваются с пенкой молока: *үс хартыгастаах / үрүмэ долгуннаах / үрдүк мабан халлаан* [5, с. 74] ‘на трехъярусном своде, / где облака гуще белого каймака’ [5, с. 56], букв.: ‘трехъярусное, что волны с пенкой, высоченное белое небо’.

Следующие два примера направлены на описание масти лошадей: *Үрүмэччи мабан аттаах / Үрүг Уолан* [5, с. 84] ‘на мотыльково-белом коне / Юрюнг Уолан-богатырь’ [5, с. 65], где *үрүмэччи* ‘мотылек’ – эталон сравнения, *мабан* ‘белый’ – модуль, *ат* ‘конь’ – объект сравнения.

Образное выражение *көмүс уйа* ‘как золото гнездо’ используется для описания очага Сабыйа Баай Хотун: *Ньэлбэн Айыһыт / көмүс уйаларын / өрөкүйбүтүнэн кэлэн / өнгөйөн көрдө* [5, с. 38] ‘Ньэлбэн Айысыт прискакала к урочищу первых людей, / прынула на дыбы, / глянула в их золотое жилье’ [5, с. 27].

В якутском героическом эпосе “Нюргун Боотур Стремительный” встречаются сочетания, в которых в роли второго компонента выступают названия цветов. В наших примерах модулем выступает цвет *хара* ‘черный’ в описаниях окрестности старика Хаан Хандыгана и Эрбэс Боотура. *Хандалы хара тыа* ‘черный лес, что кандалы’, где эталон сравнения *хандалы* ‘кандалы’, модуль – *хара* ‘черный’, объект – *тыа* ‘лес’: *хандалы хара тыа хаххалаах / Хаан Хандыган оҕонньор* [5, с. 97] ‘скрытый за черной / чашебой лесной / Хаан Хандыган-исполин’ [5, с. 74].

В тексте встречаются и примеры, описывающие ребенка как физически активного и смелого: *Кылыс дыгый оҕо* ‘ребенок грациозный, как нож’, где эталоном сравнения выступает *кылыс* ‘нож’, модуль – *дыгый* ‘грациозный’, объект – *оҕо* ребенок: *тустуук уол миэхэ баар, / Сыыдам атаах / Сыссыык оҕо миэхэ баар, / Кылыһыт бэрдэ / Кылыс дыгый оҕо миэхэ баар* [5, с. 316] ‘у меня есть такой борец, / что, если за руку схватит кого, - / руку с плечом оторвет. / у меня самый быстрый мальчик-бегун, / у меня самый легкий парень-прыгун. / у меня – знаменитый небесный скакун’ [5, с. 246]. *Таас-килиэ оҕо* ‘ребенок, как камень’, где эталон сравнения *таас-килиэ* ‘камень’, объект *оҕо* ‘ребенок’: *Адьына Сизэр хотунтан / Тоҕус ый хонугун / Толорбокко эрэ / Иирээн энгэрдэнэн, / Илбис төрүттэнэн, / Ийэтин иһиттэн / Таас-килиэ оҕо / Таралыа түһээт...* [5, с. 24] ‘задолго до девятилунной поры / из чрева прекрасной хотун, / расторгнув утробу ее, / одержимо неистовством бунтовским, / выкатилось каменное дитя, / звонко, отрывисто хохоча, / пронзительно крича’. В этих примерах ребенка сравнивают с якутским ножом и твердым камнем. В эпосах жизнь ребенка, начиная с утробы матери, гиперболизирован, например, *биир хоноот биирдэннэ, икки хоноот иккилэннэ* ‘через день исполнился один год, через два исполнилось два’. Этот способ используется для выразительного и образного описания различных признаков предметов.

Заключение

Таким образом, в сравнениях раскрываются архетипические образы-символы национальной культуры якутского и алтайского народов. Сравнение выступает особым выразительным средством, который помогает созданию художественного образа, то есть это не только метод выражения эмоции и оценки.

Героические эпосы народов богаты типичными сравнениями из устного народного творчества. Выявлено, что в сравнениях якутского эпоса эталонами выступают в большей части фитонимы, артефакты, а в алтайском эпосе – небесные светила, природные явления. Это показывает традиционные представления народа: якутский народ окружен тайгой, густыми лесами, а алтайский народ высокими горами.

В перспективе изучения поэтики и стилистики сравнения интересным будет представление сравнения как формы художественного мышления и языкового средства выразительности.

Л и т е р а т у р а

1. Байжанова Н. Р. Структурные и семантические особенности сравнений в типических местах алтайского героического эпоса // Гуманитарные науки в Сибири, 2002. – № 3. – С. 44-50.
2. Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск, 1986. – 109 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. – Новосибирск: «Наука», 1995. – 336 с.
4. Девятова Н. М. Сравнение в динамической системе языка. М., 2010. – 318 с.
5. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – 474 с.
6. Ойуунускай П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур. – Дьокуускай, 2003. – 544 с.
7. Пухов И. В. Алтайский народный героический эпоса // Маадай-Кара, Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1973. – С. 8-60.
8. Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: дис. ... канд. филол. наук: – Новосибирск, 1989. – 177 с.
9. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология / под. ред. Н. К. Дмитриева. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 312 с.
10. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. –Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 270 с.

R e f e r e n c e s

1. Bajzhanova N. R. Strukturnye i semanticheskie osobennosti sravnenij v tipicheskikh mestah altajskogo geroicheskogo jeposa // Gumanitarnye nauki v Sibiri, 2002. – №3. – S. 44-50.
2. Vasil'ev Yu. I. Sposoby vyrazhenija sravnenija v jakutskom jazyke. Novosibirsk, 1986. – 109 s.
3. Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka. –Novosibirsk: «Nauka», 1995. – 336 s.
4. Devjatova N. M. Sravnenie v dinamicheskoi sisteme jazyka. M., 2010. – 318 s.
5. Maadaj-Kara. Altajskij geroicheskij jepos. – M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1973. – 474 s.
6. Ojuunuskaj P. A. D'ulurujar N'urgun Bootur. – D'okuuskaj, 2003. – 544 s.
7. Pukhov I. V. Altajskij narodnyj geroicheskij jeposa // Maadaj-Kara, Altajskij geroicheskij jepos. M.: Nauka, 1973. – S. 8-60.
8. Tybykova L. N. Sravnitel'nye konstrukcii altajskogo jazyka: dis. ... kand. filol. nauk: – Novosibirsk, 1989. – 177 s.
9. Kharitonov L. N. Sovremennyj jakutskij jazyk. Ch. 1. Fonetika i morfologija / pod. red. N. K. Dmitrieva. – Jakutsk: Gosizdat JaASSR, 1947. – 312 s.
10. Cheremisina M. I. Sravnitel'nye konstrukcii russkogo jazyka. –Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1976. – 270 s.

ЗАХАРОВА Анна Михайловна – магистр филологии, ассистент кафедры фольклора и культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: mza888@mail.ru

ZAKHAROVA Anna Mikhailovna – Master of Philology, Assistant Lecturer, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 894.343:398.22

DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.16.15.005

Реминисценция башкирских пословиц и поговорок в поэме Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билик»

Н. А. Хуббитдинова

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа, Россия

✉ narkas08@mail.ru

Аннотация. Пословицы и поговорки являются теми жанрами устного народного творчества, которые всегда востребованы и популярны в художественной литературе. Актуальность статьи состоит в попытке раскрыть своеобразные реминисценции башкирских народных пословиц и поговорок в поэме «Кутадгу билик» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского, где они служат идейно-эстетическому, художественному обогащению сюжета, усилению образности языка и стиля повествования. Цель статьи – выявить и рассмотреть башкирские народные пословицы и поговорки – *мэкэл и эйтем*, реминисценцию которых можно проследить в упомянутом произведении средневекового автора. Пословицы и поговорки усиливают образность языка поэта, его поэтическую окраску и звучание, демонстрируют мастерство автора в красноречии, игре слов. Такие традиционные способы изображения являются характерной чертой для восточной поэзии, образцы которой дошли и до Урало-Поволжского региона, обогатив местную общетюркскую литературу. В этом смысле поэтический язык Ю. Баласагунского был близок и башкирам своей реминисценцией на национальные пословицы и поговорки.

В статье делается вывод о том, что когда-то высказанные мудрые мысли, сформированные на основе жизненного опыта, явлений природы и окружающего мира, повторяются, передаваясь из уст в уста, начинают репрезентироваться как обобщающие короткие фразы. В башкирском народном творчестве традиционный поэтический жанр *тулгау* складывался из пословиц и поговорок, которые позже могли распространиться как самостоятельные афористические жанры. При этом смысл сказанного устойчиво сохраняется. В афористических, образных высказываниях Ю. Баласагунского выявляются общие и схожие с башкирским фольклором пословицы и поговорки, реминисценции на них. В перспективе (возможно, в виде научного гранта) было бы интересно выявить реминисценции пословиц и поговорок других тюркских народов, которым поэма Ю. Баласагунского близка и является частью их культурного наследия.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, поэма, «Кутадгу билик», Юсуф Баласагунский, реминисценции, художественность, поэтика, язык.

Для цитирования: Хуббитдинова Н. А. Реминисценция башкирских пословиц и поговорок в поэме Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билик». Вопросы национальных литератур. 2023, No2 (10). С. 33–40. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.16.15.005

Reminiscence of Bashkir proverbs in the Yusuf Balasagunsky's poem "Kutadgu bilik"

N. A. Khubbitdinova

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

✉ narkas08@mail.ru

Abstract. Proverbs and sayings are those genres of oral folk art that are always in demand and popular in fiction. The relevance of the article consists in an attempt to reveal the peculiar reminiscences of Bashkir folk proverbs and sayings in the poem "Kutadgu bilik" ("Blessed Knowledge") by Yusuf Balasagunsky, where they serve the ideological, aesthetic, artistic enrichment of the plot, strengthening the imagery of the language and style of narration. The purpose of the article is to identify and consider Bashkir folk proverbs and sayings – *makel* and *eytem*, the reminiscence of which can be traced in the mentioned work of the medieval author. Proverbs and sayings enhance the imagery of the poet's language, its poetic coloring and sound, demonstrate the author's skill in eloquence and wordplay. Such traditional methods of representation are a characteristic feature of eastern poetry, samples of which have reached the Ural-Volga region, enriching the local Turkic literature. In this sense, the poetic language of Yusef Balasagunsky was also close to the Bashkirs with his reminiscence of traditional proverbs and sayings.

The article concludes that once expressed wise thoughts, based on life experience, natural phenomena and the surrounding world, are repeated, passed from mouth to mouth, begin to be represented as generalizing short phrases. In Bashkir folk art, the traditional poetic genre of *tulgau* consisted of proverbs and sayings, which could later spread as independent aphoristic genres. At the same time, the meaning of what has been said is steadily preserved. In aphoristic, figurative statements Yusef Balasagunsky reveals common and similar to Bashkir folklore proverbs and sayings, reminiscences on them. In the future (perhaps in the form of an academic grant) it would be interesting to identify the reminiscences of proverbs and sayings of other Turkic peoples, to whom the poem by Balasagunsky is relatable and is part of their cultural heritage.

Keywords: proverbs, sayings, poems, "Kutadgu bilik", Yusuf Balasagunsky, reminiscences, artistry, poetics, language.

For citation: Khubbitdinova N. A. Reminiscence of Bashkir proverbs in the Yusuf Balasagunsky's poem "Kutadgu bilik". Issues of national literature. 2023. No. 2 (10). Pp. 33–40. DOI: 10.25587/litteraesvf.2023.16.15.005

Введение

Известно, что фольклорные традиции определяют идейно-художественную, художественно-эстетическую ценность, самобытность произведений любой национальной литературы. Литература Урало-Поволжья является общим духовным достоянием многих тюркских народов, населяющих этот регион. Она зародилась и развивалась на основе тесных взаимосвязей фольклорных традиций, художественных особенностей восточной литературы, художественной словесности периода Золотой Орды («Кисса-и Йусуф» Кул-Гали, «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Джумджума-султан» Хисама Катиба, «Гулистан бит-тюрки», «Сухаил и Гульдурсун» Сайфа Сарай и т. д.) [16, с. 154]. Золотая Орда занимала огромную территорию

от Иртыша до Днепра, от Волжской Булгарии до Хорезма. Здесь сформировалась своеобразная культура, общая для многих населявших эти земли племен, основную массу которых составляли тюрки [11, с. 93]. Созданная в XI в. поэма «Кутадгу билик» Ю. Баласагунского также является общим духовным достоянием для тюркских народов. Башкирской культуре и духовному наследию поэма близка реминисценцией на башкирские пословицы, меткие изречения и *тулгау*.

По своему содержанию, идейно-тематической направленности «Кутадгу билик» является поэмой дидактического характера. Она написана в форме *маснави* (рифмованные парами двустишия), содержит 6 645 бейтов (двустиший) и отличается своим поэтическим, метафоричным, красным слогом. Ученые утверждают, что истоки образности языка и стиля автора восходят к «устно-эпическому творчеству тюркских народов и персидско-таджикской поэзии раннего периода ее развития» [10, с. 527]. Относительно устных традиций следует указать на обилие в поэме образных пословиц и поговорок.

Общность культур, религиозных, мировоззренческих начал привела к порождению художественных универсалий, которые в особенности обнаруживают себя при выявлении реминисценций, аллюзий, отсылок на традиции башкирского фольклора. Такими универсальными жанрами фольклора являются пословицы и поговорки, на которых можно обнаружить эксплицитные или имплицитные отсылки в средневековой общетюркской литературе. Указанная поэма Ю. Баласагунского является одним из таких произведений.

Основная часть

В башкирской фольклористике афористический жанр сегодня исследуется в трудах фольклориста Ф. А. Надршиной. Результатом ее изысканий стал том из серии «Башкирское народное творчество» («Башкорт халык ижады») на башкирском и русском языках [4; 5]. Однако определения башкирских народных афоризмов она позаимствовала из русского фольклора, где под первыми мы называем «*мәкәл*», а под вторыми – «*әйтем*», что сузило их значение и смысловые возможности. Если обратиться к истории изучения данного жанра, то обнаруживаются отличия от традиционного жанра русского фольклора. Еще в 1920-е гг. XX в. в трудах башкирских исследователей под русским термином «поговорки» по смыслу использовался «*тапкыр һүз*» («*тапкыр суз*») – «меткое слово» [8, с. 4; 15, с. 95]. Позже, в 1960-х гг., изучение афористических жанров продолжалось вестись в этом русле и выделялись такие разновидности, как *мәкәл* (*мәкәл*), *әйтем* (*әйтем*), *тапкыр һүз* (*тапкыр суз*), где, по мнению башкирских исследователей Дж. Киекбаева, А. Н. Киреева, С. А. Галина, «*тапкыр һүз*»-*тапкыр суз* в русском языке соотносится с русским термином поговорка, а «*мәкәл*»-*мәкәл* – с пословицей. В то время, как «*әйтем*»-*әйтем* – самостоятельный афористический жанр башкирского фольклора, не имеющий параллели, значит и соответствующего термина в фольклоре других народов. А. Н. Киреев как разновидность последнего усматривал жанр «*тулгау*» [9; 12; 15].

В «Башкирской энциклопедии» говорится: «Тулгау – (әйтем) разновидность кубайра, бессюжетное произведение дидактического характера, содержащее целостное философское обобщение о человеческой душе, природе и обществе» [7, с. 357]. Однако *кубайры* (семисложный стих) не всегда могут иметь дидактическое значение, в них восхваляются героические деяния давно погибших богатырей-батыров, воспеваются их доблесть и слава, а также красота и величие родной земли с ее широкими реками, раздольными степями, седыми вершинами Уральских гор (Урал-тау) и т. д. *Тулгау* также в своей основе не всегда имел сугубо дидактический характер. В нем также могли восхваляться какие-то деяния, достижения, успехи известных личностей. Так, в одном из башкирских преданий повествуется о том, как во времена Чингиз-хана Муйтен, сын Туксабы из рода *усерган*, ходил с дарами к Чингизу и получил *ярлык-битиг* (бумагу, закрепленную печатью), который присуждал статус *бия* и право на владение землей.

По возвращении певцы-сказители – *йырау* сложили *тулгау*, прославляющий *бия*. «Поэтическая часть произведения, названная рассказчиком толгау, посвящена воспеванию прославленного Муйтена, который, якобы добившись примирения с монгольскими ханами, вернулся к сородичам с важнейшим документом на руках. Вариант этого тулгау представлен во вступительной части бытующего в стихотворной форме шежере башкир племени усерган...» [6, с. 33].

*Хак тағала көҙрәте
Мәлкур итәйем уны!
Илебездәт булган эш
Борон ханлык заманы.
...Ханға бүләк һайланы,
Хандың күңелен яуланы.
Мактау күрзе ханынан,
Урын алды янынын...*

Хвала и слава Аллаху
Да восхваляю его!
Дело, бывшее в иле нашем,
В старь, ханов времена.
...Он (Муйтен. – Х. Н.), подарки выбрав,
Пришелся хану по душе.
Хвалу хана получив,
Занял место рядом с ним...
[6, с. 154-155].

Однако в данном восхвалении *тулгау* мы не видим характерного для *эйте*м по-Киекбаеву, который включал бы в себя чередование характерных для пословицы афористических форм, которых, например, можно наблюдать в творчестве башкирского поэта-просветителя, народного сказителя-сэсэна Мифтахетдина Акмуллы (1831-1895):

...Коль наделен умом, то это счастье.
Дели свой ум при этом на три части.
Лишь часть одну из трех ты оглашай,
Чтоб не был ум источником несчастий.
(«Об уме и глупости») [1].

Данное стихотворение, написанное в стиле *тулгау* и имеющее дидактический характер, напоминает башкирские пословицы «Ум не раздавай – самому не останется», «Ум – поводья, характер – конь, поводьями умело правь», «Умному дорога голова, глупому – богатство» [5, с. 204].

Мужчина тот, кто цену знает слову,
И своему – родному, и чужому.
Тогда и друга верного найдет,
А с ним – единомыслия основу.
(«Мужчина тот, кто...») [1].

Эти стихи о чести и верном друге интуитивно отсылают на башкирские пословицы «Сдержать слово – величие, нарушить – позор», «Слово стоящего егета (юноши) цели достигнет, слово непутевого егета в воздухе повиснет», образуя интертекстовую связь.

Произведение «Кутадгу билик» Ю. Баласагунского, имеющее устойчивую сюжетную линию, наполнено различными афористическими изречениями глубоко философско-дидактического характера, в которых лейтмотивом проходит идея образцового и справедливого правления власти имущих народом и государством. «Художественность образа-бейта (бейт является и строфической и образной единицей текста) характеризуется определенными эстетическими ценностями, проистекающими из высокой культуры слова. В этом смысле для оценки художественности бейта и в последующей тюркоязычной поэзии всегда существовало два основных критерия: афористичность бейта и использование любой возможности игры слов, рифм, смыслов» [10, с. 527-528]. Здесь мы не видим явно выраженного стиля и метрических размеров

(семисложный стих), характерных для башкирских *тулгау*. Однако афористичность содержания достигается использованными мудрыми, образными выражениями, вызывающими реминисценции на башкирские народные пословицы и поговорки. Они органично вплетены в сюжет произведения, в котором повествование строится на сюжете, основанном на различных житейских ситуациях, и выражается глубина мыслей и мудрость познаний. Интертекст народных пословиц и мудрых изречений осуществлен в поэме по принципу, высказанному по-Медришу: либо напрямую, либо художественно опосредованно, используя реминисценцию, как в широкой, так и в узкой форме [14, с. 131]. Так, в главе о достоинстве и пользе языка Ю. Баласагунский приводит большое количество афоризмов и сентенций о пользе и вреде языка, которые вызывают устойчивую реминисценцию на народные пословицы:

...Язык людям счастье и славу приносит,
И он же карает и головы косит.
Язык – словно лев, что лежит у ворот:
Едва оплошаешь – тебя он сожрет! [3, с. 42].

В башкирском народном творчестве на этот счет есть такие пословицы «За язык ответит голова», «Кто язык бережет, тот голову сбережет» и т. д. [5, с. 188].

Кто именем славен, то славным слывет,
А славным – и после кончины почет [3, с. 49].

В башкирском народном афористическом творчестве эта мысль раскрывается в таких пословицах: «От доброго дела – добрый след», «Хороший человек сам умрет – дело его остается» [5, с. 176].

Ю. Баласагунский, поучая своих героев опосредованно, иносказательно, выражает свою основную назидательную мысль, прибегая к прямому цитированию пословицы:

...У тюрок об этом присловье есть,
И здесь его к месту хочу я привести:
“Красные речи словом, а мысли – речами
Красные люди ликом, а лики – очами!”
И тут же сам как бы раскрывает смысл сказанного:
Людские слова произносит язык,
От добрых речей украшается лик [3, с. 50].

В данном случае под «людскими словами», видимо, следует понимать человеческие, благостные, гуманные слова, которые окрыляют и вдохновляют человека и, конечно, «украшается лик». Последнее высказывание поэта отсылает нас к таким пословицам из башкирского устно-поэтического творчества народа, как «От сердца идущее слово в сердце проникает», «Плохая птица – не для котла, плохое слово – не для души», «Слаще сладкого – хорошее слово, благороднее благородного – приветливое лицо», «Слово и утешает, и убивает» и т. д.

Надо также сказать, что содержание поэмы «Кутадгу билик» построено согласно важным поучительным наставлениям, необходимым для истинных мужей, владык и правителей. В композиционном плане она состоит из двух предисловий – прозаического и поэтического, 85 глав и послесловия. Предисловие начинается с традиционного восхваления Аллаха и Пророка Мухаммада, продолжается сведениями об адресате посвящения этого труда, с какими намерениями он написан и какое значение имеет [11, с. 25]. Так, после вводной части, в которой автор восхваляет Всевышнего, правителя *Богра-хана*, следуют главы о семи планетах и двенадцати знаках зодиака, о знании

и разумениях, достоинстве и пользе языка, добре и зле, учении и знании, после чего описывается история об *Айтолды*, его диалоги с *хаджибом*, *Кюнтогды* и т. д. На главных героев возлагаются особенные художественные функции, выраженных в их символичности: под *Айтолды* и *Обгурмыш* подразумеваются понятия Счастье и Отрешенность, а под *Кюнтогды* и *Огдюльмыш* – образы Справедливости и Разума. Другими словами, для автора важным в жизни является справедливость и разум, являющиеся самыми предпочтительными свойствами для людей [10, с. 530]. В данном случае, видимо, не только для людей, но по большому счету правителям, сильным мира сего, например, *Богра-хану*. Потому что если правитель справедлив, добр и честен по отношению к своим подданным, простому люду, то и в сердцах последних он завоеует любовь и уважение к себе, в истории своей страны и далеко за ее пределами оставит о себе великую память как о самом справедливом правителе. Башкирские пословицы гласят «Золото в земле не забудется, доброта в пути не заблудится», «Доброе дело сверши и в море брось – оно все равно к тебе вернется», «Если царь – тиран, страна разорится, если царь – мудрец, страна возродится», «Правитель богат умом, народ – душой», «Хороший правитель людям дорогу откроет, плохой – людям путь перекроет» и т. д. Этим и другим по смыслу глубоким и содержательным пословицам вызывают устойчивую реминисценцию образные и меткие слова и изречения, которыми богата поэма Ю. Баласагунского.

Примечательно, что и том «Башкирское народное творчество: Пословицы, поговорки...» [4] наделен содержанием, в котором отражены житейская мудрость, знания, опыт, мораль, этика народа и т. д., а также труд, общественная жизнь, быт, обычай, семья, пословицы о языке и слове, учении и знаниях. Известно, что В. И. Даль ценил всю идейную и смысловую значимость, мудрость пословиц и поговорок, собирал и записывал их. В силу того, что пословицы «касаются всех предметов, вторгаются во все области человеческого бытия, людских надежд, помыслов, оценок ближних», В. И. Даль предпринял попытку классифицировать эти народные афористические изречения на девять рубрик, в которых охватываются многие стороны из жизни, помыслов народа [2, с. 3; 5, с. 96]. Однако еще в XI в. Махмуд Кашгари (1029-1101) предпринял попытку фиксировать афористические мысли и высказывания. Надо сказать, что М. Кашгари пословицы и мудрые изречения тюркских народов приводил в виде иллюстрации к 9 000 слов и словосочетаний в своем словаре. В результате его труд представляет энциклопедию истории и духовного мира этих народов и до сих пор является ценным источником в изучении культуры средневековья [11, с. 24], пословиц и поговорок в том числе.

Но в отличие от последнего Ю. Баласагунский не только приводил пословицы, но и использовал их как вводную часть к основному сюжету своей поэмы. В основе своем он дал некий образец составления сборника народных мудрых изречений и высказываний, пословиц в данном случае, который отвечает всем требованиям по отражению многих сторон жизни, помыслов народа. По мнению ученых, наличие пословиц и поговорок, мудрых изречений объясняется тем, что «"Кутадгу билик" входила в круг чтения наших предков и отложилась в их памяти остротой своей мысли, яркой афористичностью языка. ...Поэма Юсуфа Баласагунского, и башкирский фольклор, и анонимная поэзия имеют единые истоки – литературное и устное творчество древних тюрков» [11, с. 26].

Заключение

Таким образом, пословицы и поговорки, являясь универсальным духовным достоянием в культуре народа, репрезентируют собой образец реминисценций, когда-то кем-то сказанные мудрые изречения, высказывания вновь повторяются, хоть и претерпевают некоторые изменения согласно мировоззрению, менталитету, опыту жизни разных народов. Помимо того, что пословицы и поговорки – *мэкэл и эйтем* – в башкирском фольклоре традиционно могли складываться в поэтические *тулгау*, они также существовали как самостоятельные жанры, передаваясь из уст в уста. Народ, опираясь

на свой многовековой опыт, делал мудрые умозаключения относительно различных сторон жизни и поведения людей, их характера, поступков. При этом смысл сказанного устойчиво сохраняется. Поэтому представитель любого этноса найдет в афоризмах, мудрых умозаключениях, приводимых в поэме Ю. Баласагунского, общие и схожие пословицы и поговорки, реминисценции на них. Пословицы и поговорки как явление универсалии культур во многом сближают народы, позволяют сохранить духовное достояние, которым является «Благодатное знание» Ю. Баласагунского. Его поэма дидактического характера положило начало созданию произведения подобного идейно-эстетического, тематического направления в дальнейшем.

Л и т е р а т у р а

1. Акмулла М. Избранное. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1793215>.
2. Аникин В. П. Долгий век пословицы // Русские пословицы и поговорки. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 3-12.
3. Баласагунский Ю. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – 560 с.
4. Башкирское народное творчество: Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Т. 7. / сост., авт. вступ. ст. и комм. Надршина Ф. А. – Уфа: Китап, 1993. – 464 с.
5. Башкирское народное творчество: Пословицы и поговорки. Т. 10. / сост., вступ. сл., комм. Ф. А. Надршиной. – Уфа: Китап, 2006. – 544 с.
6. Башкирские исторические предания и легенды / сост., авт. вступ. ст. Надршина Ф. А. – Уфа: Китап, 2015. – 530 с.
7. Башкортостан. Краткая энциклопедия / Шакуров Р. З. (гл. ред.). Уфа: Башэнциклопедия, 1996. – 672 с.
8. Вильданов Г. Изучение тюркской литературы и их выводы // Башкорт аймагы. 1926. № 2. – С. 3-26.
9. Галин С. А. О фольклорном термине айтем // Башкирская духовная культура древности и средневековья: проблемы изучения. – Уфа, 2007. – С. 39-45.
10. Иванов С. Н. О «Благодатном знании» Ю. Баласагунского // Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – С. 518-538.
11. История башкирской литературы: с древнейших времен до нач. XX в. / Хусаинов Г. Б. (ред.). – Уфа: Китап, 2012. – 560 с.
12. Киекбаев Дж. Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка: Пособие для студентов филологических факультетов. – Уфа: БашГУ, 1961. – 35 с. (на баш. яз.).
13. Киреев А. Н. Эпические памятники башкирского народа. – Уфа: Башкнигоиздат, 1961. – 304 с.
14. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов, 1980. – 296 с.
15. Хуббитдинова Н. А. Фольклор в башкирской литературе: художественно-эстетический аспект (XIII – начало XX века). – Уфа: Гилем 2016. – 276 с.
16. Хуббитдинова Н. А. Репрезентация аллюзий фольклорных традиций в средневековой литературе Урало-Поволжья // Филология и человек. 2017. № 2. – С. 153-160.

References

1. Akmulla M. Izbrannoe. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1793215>.
2. Anikin V. P. Dolgij vek posloviцы // Russkie posloviцы i pogovorki. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1988. – S. 3-12.
3. Balasagunskij Yu. Blagodatnoe znanie. – M.: Nauka, 1983. – 560 s.
4. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Posloviцы, pogovorki, primety, zagadki. T. 7. / sost., avt. vstup. st. i komm. Nadrshina F. A. – Ufa: Kitap, 1993. – 464 s.
5. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Posloviцы i pogovorki. T. 10. / sost., vstup. sl., komm. F. A. Nadrshinoj. – Ufa: Kitap, 2006. – 544 s.
6. Bashkirskie istoricheskie predaniya i legendy / sost., avt. vstup. st. Nadrshina F. A. – Ufa: Kitap, 2015. – 530 s.
7. Bashkortostan. Kratkaya enciklopediya / Shakurov R. Z. (gl. red.). Ufa: Bashenciklopediya, 1996. – 672 s.

8. Vil'danov G. Izuchenie tyurkskoj literatury i ih vyvody // Bashkort ajmagy. 1926. № 2. – S. 3-26.
9. Galin S. A. O fol'klornom termine ajtem // Bashkirskaya duhovnaya kul'tura drevnosti i srednevekov'ya: problemy izucheniya. – Ufa, 2007. – S. 39-45.
10. Ivanov S. N. O «Blagodatnom znanii» Yu. Balasagunskogo // Blagodatnoe znanie. – M.: Nauka, 1983. – S. 518–538.
11. Istoriya bashkirskoj literatury: s drevnejshih vremen do nach. XX v. / Husainov G. B. (red.). – Ufa: Kitap, 2012. – 560 s.
12. Kiekbaev Dzh. G. Leksika i frazeologiya sovremennogo bashkirskogo yazyka: Posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov. – Ufa: BashGU, 1961. – 35 s. (na bash. yaz.).
13. Kireev A. N. Epicheskie pamyatniki bashkirskogo naroda. – Ufa: Bashknigoizdat, 1961. – 304 s.
14. Medrish D. N. Literatura i fol'klornaya tradiciya. Voprosy poetiki. – Saratov, 1980. – 296 s.
15. Khubbitdinova N. A. Fol'klor v bashkirskoj literature: hudozhestvenno-esteticheskij aspekt (XIII – nachalo XX veka). – Ufa: Gilem 2016. – 276 s.
16. Khubbitdinova N. A. Reprezentaciya allyuzij fol'klornyh tradicij v srednevekovoj literature Uralo-Povolzh'ya // Filologiya i chelovek. 2017. № 2. – S. 153-160.

ХУББИТДИНОВА Нэркэс Ахметовна – д. филол. н., главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра башкирского фольклора Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы.

Email: narkas08@mail.ru

KHUBBITDINOVA Nerkes Akhmetovna – Doctor of Philology, Chief Researcher, Research Center of Bashkir Folklore, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

– ТЕКСТОЛОГИЯ. СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 82-31

DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.50.12.006

**Семиотика отражения
в повести А. Н. Немтушкина «Дорога в нижний мир»**

А. В. Евсеева

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ alicevseeva@mail.ru

Аннотация. Повесть эвенкийского писателя А. Н. Немтушкина «Дорога в нижний мир», затрагивающая актуальные этносоциальные и культурно-психологические проблемы, незаслуженно была обделена вниманием исследователей, хотя она имеет перспективу выявления ряда значимых художественных приемов. Цель данной статьи – рассмотреть семиотику отражения в повести как универсальную знаковую систему, содержащую разнообразные семантические единицы. В результате исследования были выявлены такие значения семиотики отражения, как гносеологическая функция, мотив загробного мира, мотив двойничества, художественное отражение действительности и проявление авторского образа.

Ключевые слова: А. Н. Немтушкин, эвенкийская литература, семиотика отражения, семиотика зеркала, мотив загробного мира, живопись.

Для цитирования: Евсеева А. В. Семиотика отражения в повести А. Н. Немтушкина «Дорога в нижний мир». Вопросы национальных литератур, 2023, № 2 (10). С. 41–49. DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.50.12.006

**Semiotics of reflection
in the Alitet Nemtushkin's story "The Road to the Lower World"**

A. V. Evseeva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ alicevseeva@mail.ru

Abstract. The story by Evenki writer Alitet Nemtushkin "The Road to the Lower World", which touches on urgent ethnic-social and cultural-psychological issues, has been undeservedly deprived of the attention of researchers, although it has the prospect of revealing a number of significant artistic techniques. The purpose of this article is to consider the semiotics of reflection in the story as a universal sign system containing a variety of semantic units. As a result of the research, such meanings of the semiotics of reflection as the epistemological function, the motif of afterlife, the motif of duality, the artistic reflection of reality and the manifestation of the author's image were revealed.

Keywords: Alitet Nemtushkin, Evenk literature, semiotics of reflection, semiotics of the mirror, motif of afterlife.

For citation: Evseeva A. V. Semiotics of reflection in the Nemtushkin's story "The Road to the Lower World". Issues of national literature. 2023. No. 2(10). Pp. 41–49. DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.50.12.006

Творчество известного эвенкийского поэта и прозаика А. Н. Немтушкина (1939-2006) было предметом исследования многих литературоведов, которые содержатся в научных статьях, диссертациях, учебных пособиях, книгах, раскрывающих художественный мир писателя.

В диссертации Э. В. Ивановой «Социо-этнические проблемы истории эвенкийской литературы» анализируются основные мотивы в творчестве А. Н. Немтушкина: «для поэзии А. Немтушкина характерны метания лирического героя остаться в тайге или уйти к манящим огням больших городов. Оказавшись в городе, он воспринимает чум уже как грязное и дымное жилище, но затем тоска и чувство вины за неразведанный очаг возвращает его на малую родину «О, старый чум, застывший на пригорке. За что упрек тебе я бросил горький?» [5, с. 94].

Э. В. Иванова также исследует мифофольклорные истоки в произведении А. Немтушкина «Мне снятся небесные олени» и Г. Кэптукэ «Имеющая свое имя, Джелтула-река», выявляя органическую связь эвенкийской литературы с мифологией и эпосом этноса. Автор приходит к выводу, что «в повести А. Немтушкина использование мифофольклорных сюжетов о трехчастной структуре мира призвано раскрыть особенности бытия и мировосприятия древних кочевников тайги» [5, с. 18].

Н. Н. Алексеева рассматривает художественные образы пути, дороги, тропинки в творчестве эвенкийского поэта А. Немтушкина: «Образ пути, философски сложный и содержательный, предстает в поэзии Немтушкина и как исторический путь народа, и как путь в безграничное пространство, что может быть и последним путем человека» [3, с. 3].

Н. А. Непомнящих раскрывает на материале произведений писателя особенности эвенкийской литературы: «В уже ставшей классикой эвенкийской литературы книге Алитета Немтушкина «Мне снятся небесные олени» рассказывается о реальных людях, носящих свои настоящие имена, излагаются достоверные факты, это рассказ о жизни конкретного сообщества на протяжении десятилетий, многие лица узнаваемы, а эпизоды совпадают с реальными событиями жизни писателя» [12, с. 76].

Е. С. Роговер в учебном пособии «Литература народов Севера» одну главу посвящает рассмотрению поэзии А. Н. Немтушкина, определяя его истоки эвенкийским фольклором: «В лирике Немтушкина мы также находим вариации фольклорных мотивов, следование традициям народного творчества» [14, с. 188].

В книге «Эвенкийская литература» один из разделов целиком посвящен творчеству А. Н. Немтушкина, в котором содержатся статьи С. Кузичкина, Ю. Хазанкович, И. Колодяжного, Р. Солнцева, в которых проанализированы мотивы и поэтика произведений писателя [22].

Повесть А. Н. Немтушкина «Дорога в нижний мир» вышла в свет в 1988 г. в четвертом номере журнала «Енисей». Стоит отметить, что в 1992 г. писатель за одноименную книгу повестей и рассказов был отмечен Государственной премией Российской Федерации в области литературы. Однако специальное научное исследование по поэтике и семантике повести не проводилось, хотя упоминания о ней встречаются довольно часто.

«Дорога в нижний мир» – по существу есть социопсихологическое исследование «законов жизни», определяющих состояние, «духовное здоровье» маленького северного народа» [20, с. 104]. «Мы прослеживаем путь героя от счастливой жизни, полной творческих успехов и семейных радостей к самоуничтожению. Итак, само название повести «Дорога в нижний мир» неразрывно связано с образом дороги, дороги в никуда» [21]. «Когда эвенк отрывается от своих корней, когда он перестает быть оленеводом и охотником, то расплатой за это становится деградация, безысходность, ощущение бессмысленности жизни» [15].

В повести А. Немтушкин через образ одного из лучших эвенков, опустившегося, словно герои М. Горького, на дно жизни, выражает страх и тревогу за свой и без того малочисленный народ, будущее которого находится в неясном положении, усугубляющимся распространением пьянства. Причину нравственного бедствия эвенков автор видит в уходе от традиционного образа жизни – оленеводства, замененного неестественными кочевому народу городскими условиями.

Душевное состояние главного героя передается через обстановку его квартиры – захлавленной, грязной, полной беспорядка, как и в голове его обитателя: *«пахло затхлым – на кухне в ведре который день кисли обьедки. На столе, полном грязной посуды, пустых бутылок, обглоданных костей, корок засохшего хлеба, ползали мухи, тараканы с длинными, как антенны, усами»* [11, с. 279]. Пронька после очередного продолжительного запоя, проснувшись в душной комнате, страдает из-за нехватки свежего воздуха.

Значительной деталью душной, грязной комнаты выступает пыльное зеркало, в котором герой видит свое безобразное отражение: *«Заглянул в запыленное зеркало и не узнал себя – оттуда на него глянул лохматый, опухший человек. «Ну и рожка!» Пронька попытался руками пригладить непослушные волосы, но из этой затеи ничего не вышло. Ну их. Он заторопился»* [11, с. 281]. Зеркало в данном случае метафорически показывает истинное лицо героя – лохматое, опухшее от выпитого алкоголя, что соотносится с его внутренней самооценкой – опустившегося, запившего, безнадежного человека. Не зря ему в бредовом состоянии слышится знакомая старая песня о запившем молодом парне: *«Эх, загулял, загулял парень молодой, молодой, в зеленой гимнастерочке, хорошенький такой!..»... «Как будто про меня», – вяло думалось Проньке»* [11, с. 314]. В конце автор упоминает эту песню, что он, возможно, тоже слышался герою перед тем, как он совершил самоубийство. В семантическом плане телодвижение — неудачная попытка пригладить волосы может быть интерпретирована как предсказание обреченности его судьбы, испугавшись которого и «заторопился» Пронька отойти от злосчастного зеркала.

Зеркало в данном контексте в зависимости от ролевой модели имеет несколько семиотических парадигм. Во-первых, семиотика зеркала выступает как способ самопознания героя через отражение, имеющий гносеологическую функцию, о чем утверждал М. М. Бахтин в конструкции «Зеркало – фотография – портрет – другой» [4, с. 64]. Самопознание происходит в духовном аспекте через осознание своего физического несовершенства.

Во-вторых, по представлению М. Ю. Лотмана зеркало выступает в качестве отражения другой действительности, как «проекция, несущая в себе определенный язык моделирования» [8, с. 16]. Запылившееся зеркало в этом плане имеет семиотику захороненного, нераскрытого таланта.

В-третьих, следует привести наиболее распространенное представление о зеркале как границе между мирами и магической связи отражения и отражаемого. В этом отношении потусторонняя связь заключается в соотношении внутреннего состояния с внешним отражением.

Таким образом, семиотика зеркала в повести имеет несколько семантических парадигм, как способ самопознания героя, выполняющая гносеологическую функцию, язык моделирования другой действительности и средство магической связи отражения и отражаемого, поэтому зеркало в повести является универсальным семиотическим предметом, способным вмещать различные семантические функции.

Следующая семиотика отражения кроется в самом названии повести «Дорога в нижний мир», отсылающей к мотиву загробного мира, откуда и происходит, по мнению многих исследователей, семиотика зеркала: «Зазеркальный мир нередко ассоциируется с миром мертвых, с тем светом. Их роднит «оборотность»: в фольклоре загробный мир часто описывается именно по такому принципу. Кроме того, увидеть себя со стороны, скорее всего, может уже умерший человек, душа, оставившая тело. Так, Дж. Дж. Фрэзер приводит примеры верований в то, «что душа человека пребывает <...> в его отражении в воде или в зеркале» [19, с. 223]. А «в Древней Греции бытовали представления о том, что смотреть на свое отражение опасно, ибо это действие может повлечь за собой смерть, так как отражение способно поймать душу человека» [9, с. 163]. Название подсказывает развязку повести, давая понять, что жизненный путь героя идет к своему закономерному исходу к смерти физической и духовной. В этом плане название также носит семиотический характер, отражающий авторскую мысль и идею, что позволяет говорить о ней, как о семиотике зеркала.

Семиотика отражения присутствует в роде деятельности Проньки Анкуоля – живописи, которая считается исследователями изобразительной знаковостью. В связи с общей теорией знаков вопросов искусства касался один из основоположников современной семиотики Ч. Пирс. Отличительным признаком изобразительного знака Ч. Пирс считал то, что «он может представлять свой объект главным образом по сходству, вне зависимости от того, каков способ его существования» [2, с. 275]. К числу изобразительных знаков Ч. Пирс относил произведения живописи, в которых, по его мнению, принцип сходства соединяется с конвенциональными правилами, со сложившимися, общепризнанными условностями. Он писал: «Любой материал изображения, такого, например, как живопись, – широко конвенционален по его способу репрезентации» [2, с. 276].

Мысль об изобразительных (иконических) знаках в ее применении к искусству была активно воспринята американским философом Ч. Моррисом, который неоднократно обращался к проблемам семиотического истолкования явлений художественной культуры и считается одним из крупных специалистов в этой области. Для Ч. Морриса иконический знак – «это любой знак, который подобен в некоторых отношениях тому, что он обозначает. Изобразительность поэтому есть вопрос степени...» [1, с. 191].

Следовательно, картины Проньки являются отражением действительности – зеркалом настроения эвенкийского народа, по которому он написал свою дипломную работу, триптих «Кто дал эвенкам солнце». В свои лучшие времена до пьянства он подавал большие надежды своему народу как «первый эвенкийский художник», в числе картин которого были фигуры земляков, зарисовки «оленей, собак, портретов, сценок из кочевой жизни» [11, с. 291].

Триптих «Кто дал эвенкам солнце» характерен тем, что имеет несколько семиотических пластов, раскрывающих образное содержание изобразительного искусства. Во-первых, это семиотика цвета, являющаяся одним из важнейших элементов художественной формы. Во второй части триптиха «Мор», описывающей умирающих от страшного голода эвенков, небо – «темное, унылое», который в книге В. В. Кандинского «О духовном в искусстве» оценивается следующим образом: «Склонность синего к углублению настолько велика, что она делается интенсивной именно в более темных тонах и внутренне проявляется характернее. Чем темнее синий цвет, тем более он зовет человека в бесконечное, пробуждает в нем тоску по непорочному и, в конце концов, – сверхчувственному. Это цвет неба, как мы представляем его себе при звучании слова "небо"» [6, с. 96]. Значит, темное небо в контексте картины героя вызывает эмоциональное состояние тревоги, тоски, печали от неизвестности, неопределенности судьбы малой родины.

Во-вторых, живописному творчеству придает семиотическое начало особенность его колорита. Ю. М. Кирцер в книге «Рисунок и живопись» дает следующее определение колорита: «Колорит – особенность цветового и тонального строя произведения. В колорите находят отражение цветовые свойства реального мира, но при этом отбирают только те из них, которые отвечают определенному художественному образу. Колорит в произведении представляет собой обычно сочетание цветов, обладающее известным единством. В более узком смысле под колоритом понимают гармонию и красоту цветовых сочетаний, а также богатство цветовых оттенков. В зависимости от преобладающей в нем цветовой гаммы он может быть холодным, теплым, светлым, красноватым, зеленоватым и т.д. Колорит воздействует на чувства зрителя, создает настроение в картине и служит важным средством образной и психологической характеристики» [7, с. 125]. Таким образом, колорит есть наиболее ценное качество живописи; иными словами, колорит определяет живопись: есть колорит, значит, есть живопись.

Колорит в триптихе Проньки представлен в двух разных видах: «если первая часть триптиха – сцены из обычной кочевой жизни, – выполнена в спокойных тонах, то последняя, третья часть, написана в светлых, радостных красках» [11, с. 291]. Спокойные тона, передающие настроение умеренного, безмятежного, обыденного хода жизни, и светлые, радостные краски, символизирующие торжество, надежду, веру в светлое

будущее народа, являются семиотикой отражения внутреннего самоощущения, состояния эвенкийского народа, который передает художник Пронька Анкуоль. Можно сказать, что «неожиданным образом мы становимся свидетелями того, как простой иконический знак превращается в мощный символ: насыщаясь внутренним движением, он начинает наделяться духовной сущностью» [16, с. 32].

Шокирующая сцена из второй части, основанная на событиях страшного голода, случившихся в Эвенкии после гражданской войны, служит художественным отображением жизни того периода, что наделяет ее также семиотикой зеркала – отражения реальности: *«Одиноким чум, из дверей которого выползает на снег тощий, изможденный человек. А здесь, на улице, уже лежат замерзшие женщина и ребенок. Ребенок лежит вверх лицом, с босой ногой, и над ним склонилась голодная собака. Вторая собака чуть в сторонке задрала морду к небу и воет»* [11, с. 291]. При этом, ребенок может символизировать молодое поколение эвенков, который остался лицом к лицу с опасностью, которая может его погубить, что и случилось с друзьями и самим Пронькой из-за пагубного влияния алкоголя.

Картина из последней части, главным образом выражающая основной смысл триптиха, имеет символические компоненты знамени и солнца, воплощающие надежду и веру в благополучие эвенкийского народа: *«По снежной целине несется оленья упряжка, на нартах – человек, в одной руке он держит знамя, а второй высоко поднял солнце, которое озарило всю тайгу, чумы и изможденные лица отчаявшихся людей...»* [11, с. 291]. Следовательно, данная картина является иконическим знаком, отражающим авторскую идею через образы-символы.

Безусловной семиотической единицей зеркального является портрет – знак, замещающий своего референта. М. Ю. Лотман утверждал, что портрет является двойным зеркалом, в котором искусство отражается в жизни и жизнь отражается в искусстве, при этом обмениваются местами не только отражения, но и реальности. Примечательно, что именно портреты Проньки особым образом вызывают восторг у зрителей:

«Но многолюднее всего было у портретов земляков. Слышались восхищенные восклицания: – Смотри-ка, это же Иван Петрович Удыгир! – Старик Гиндыма как живой! Все морщинки его!» [11, с. 291].

Таким образом, живописное творчество главного героя в повести Немтушкина является особенной семиотической системой, построенной на конвенциональном функционировании таких знаков, как цвет, колористика, образ. При этом семантический пласт триптиха, демонстрирующий быт, историю, самоощущение малочисленного народа, позволяет утверждать, что живопись в повести содержит именно семиотику отражения.

Семиотика зеркала прослеживается также в схожих судьбах Проньки и его отца, закончивших жизнь самоубийством вследствие алкогольной зависимости. Если его отец во время белой горячки из карабина *«сначала убил жену, потом дочь, а Пронька спасся тем, что успел выбежать из дома»* [11, с. 290], а очнувшись застрелился сам, то Пронька в состоянии алкогольной депрессии, тоскуя по жене и дочери, о чем свидетельствует то обстоятельство, что в доме *«письма и фотографии жены, дочери лежали на диване»* [11, с. 328], повесился на ремне на отопительной трубе.

Известно, что зеркало связано с мотивом двойничества, т. к. в основе зеркала лежит идея удвоения. «Зеркало – семиотический инструмент, создающий двойников. Отсюда берет свое начало мотив двойничества» [17, с. 5]. Как отмечает Ю. М. Лотман, тема двойника – «литературный адекват мотива зеркала» [8, с. 41]. П. А. Флоренский вспоминает о своем восприятии зеркала в детстве: «Зеркальное отражение тоже казалось мне двойником. Двойник зеркальный повторяет меня, но он только притворяется пассивным, а в известный момент вдруг усмехнется, сделает гримасу и станет самостоятельным, сбросив личину подражательности» [18, с. 174]. В образе двойника мы видим «какого-то неопределенного возможного другого, с помощью которого мы пытаемся найти ценностную позицию к себе самому...» [3, с. 34]. Значит Пронька является в семиотическом плане «зеркальным»

двойником своего отца, повторившим трагический конец его жизни – лишение родных людей и собственной жизни, виной которому является слабость перед алкоголем.

Следующим потенциальным литературным «зеркальным» двойником Проньки является его закадычный друг-земляк, коллега по цеху – Толя Вотулу. Сходство заключается в природном таланте к рисованию, для развития которого их направили учиться в центр, нелегком детстве в интернате, неудавшейся семейной жизни, пристрастии к выпивке и ранней смерти. Двойничество Толи подозревается самим героем, когда он узнает о смерти друзей, утопившихся на реке от крушения лодки: *«мысль, что это же самое могло произойти с ним, холодом обжигала. Они же всегда были уверены, что с ними ничего и никогда не случится, будут жить вечно»* [11, с. 328]. Горькую правду о не сложившихся судьбах одаренных, подававших надежду на прославление малой Родины, представителей культурной интеллигенции эвенков выносит врач Белых, в которой выражена мысль автора: *«Водка продолжает свое дело! Скажу тебе больше, за последние годы у нас в округе не стало естественных смертей среди твоих сородичей, все только на почве пьянства. Разве это не страшно? Народность в своей численности не увеличивается...»* [11, с. 322].

Таким образом, семиотика зеркала прослеживается в мотиве двойничества главного героя с другими персонажами. Двойничество Проньки с отцом заключается в повторении трагической развязки его судьбы, во-первых, в разрыве с семьей – если отец лишается семьи, убив жену и дочь в неадекватном состоянии, то от Проньки уходит жена вместе с дочерью, потому он умирает в одиночестве, во-вторых, в причине смерти – оба кончают жизнь самоубийством. Основанием отнесения друга Проньки Толи Вотулу к числу его «зеркальных» двойников являются схожие интересы и обстоятельства их жизни. Однако главной общностью между двойниками Проньки является их алкогольная зависимость, служащая корнем всех их бед и несчастий.

Семиотика отражения в повести представлена не только в образе главного героя, но и в образе автора, которая прослеживается в речи персонажей. По мнению В. В. Виноградова, основным определителем образа автора служит отношение автора к теме. Авторская позиция или авторская модальность также понимаются как авторское отношение к изображаемому. Это выражается на содержательном уровне через семантические доминанты и особенности мотивной структуры. В повести Немтушкина автор выступает как рассказчик, строящий повествование как беседу с читателем, выражающий свое отношение к происходящему. «Герой-рассказчик принимает участие в событиях. Рассказчик, не являющийся героем, сам служит предметом изображения, он отдельная фигура, персонаж. Его рассказ характеризует не только других персонажей и события, но и его самого» [13, с. 12-16].

В повести образ автора-рассказчика ярко создают фразеологизмы и пословицы, выражающие оценку автора к происходящему и одновременно представляющие его мировоззрение: *«Время – великий лекарь»*, *«родителей не выбирают»*, *«умирают всерьез и навсегда»*, *«в карты можно и переиграть, а в жизни ничего не переиграешь»*, *«кому суждено утонуть, тот не сгорит»*, *«от себя никуда не убежишь»*, *«это беда всех людей – ахать и ахать тогда, когда человека уже нет»* и т.д. Здесь автор говорит от своего лица, но при этом он «растворен» в тексте, за счет чего достигается эффект объективности изображаемого.

Авторская мысль главным образом содержится в репликах врача Эдуарда Ивановича Белых с наставлениями для соседей по палате Проньки – больных из той же категории, как он сам. Высказывания автора в лице Белых представляют его как мудрого, образованного, рассудительного, воспитанного, искренне переживающего за судьбу молодого поколения эвенков человека, который призывает задуматься о серьезности последствий культурного и духовного обнищания народа: *«Мы не имеем права разбрасываться человеческими судьбами»* [11, с. 324]. В данном случае семиотика отражения выявляется в представлении авторской позиции через конкретного персонажа – Белых, поэтому голос автора, подчиняющийся голосу героя, здесь относится к несобственно-прямой речи.

В последней части автор-рассказчик обращается к своему герою от своего лица со словами досады, грусти и отчаяния: *«Эх, Проня! ... Как же ты не мог понять, что был, возможно, единственным эвенком, кто мог стать настоящим, большим художником... На что вы разменяли свои жизни!»* [11, с. 327]. В этом случае голос автора исходит из собственно-прямой речи, адресованной непосредственно к своему герою, образующей тем самым диалог между автором и героем.

Далее автор-рассказчик представляет читателю свою роль в происходящем: *«Это беззвучно кричу я, посторонний человек, равнодушно наблюдавший за их жизнью и «художествами» со стороны, но кричу, как всегда запоздало»* [11, с. 327]. Следовательно, он определяет свою позицию в повести как стороннего наблюдателя, неспособного воздействовать на поступки своих героев, а лишь рефлексирующего и сопереживающего. Тем самым автор-рассказчик отделяет себя от системы персонажей и ставит как отдельную, особую единицу.

Таким образом, образ автора в повести создают образно-языковые средства, фразеологизмы, пословицы, опосредованно выражающие авторское отношение к происходящему, а также авторские монологи в последней части, адресованные герою и читателю, характеризующие его, как сочувствующего, переживающего своим героям автора. Семиотика зеркала представлена в образе врача Белых, высказывания которого проецируют авторскую мысль, предостерегающего свой малочисленный народ от опасности исчезновения как в этническом плане, так и духовно-культурном.

Отметим, что фамилия главного героя – Алкуоль – соотносится со словом «алкоголь», в эвенкийско-русских словарях и словаре эвенкийских имен имя и производное слово не содержатся, кроме «АЛКА см. халка ... ЫАЛКА Тмт, Учр, Члм, Алд, Сх, Урм, З, Тнг, П-Т, Н, Е, И; алка Тк, Тт, А, Чмк, Сх, З, Тнг, Ткм, С 1) молот, кувалда; 2) Алд кузнец» [10], в таком случае вторая часть имени -уоль не находится ни в одном словаре. Поэтому фамилия героя является «говорящей» и имеет семиотику отражения идейного содержания повести и причины его падения в сторону «дороги в нижний мир».

Семиотика отражения характера героя присутствует и в имени Пронька, являющимся сокращением и мужского, и женского имен Проха, или Прокопий и Прасковья, что выражает его отсутствие ярко-выраженных мужских черт, стирание гендерных признаков. Это подчеркивается в его портрете: *«парень не парень, мужик не мужик, так, какого-то неопределенного возраста»* [11, с. 279] и неопределенного пола. В связи с этим можно предположить, что эта деталь об отсутствии четкой принадлежности к мужскому или женскому полу используется автором с целью предупреждения об опасности алкогольной зависимости людям обоего пола.

Следовательно, выбор имени и фамилии главного героя связан с семиотическим отражением главной проблемы в повести, в котором уменьшительно-ласкательное имя Пронька, производное от женского и мужского имен, указывает на универсальность проблемы независимо от пола, а фамилия Алкуоль, созвучная со словом «алкоголь», выполняет функцию говорящей фамилии и служит средством характеристики персонажа.

Таким образом, анализ семиотики зеркала в повести А. Н. Немтушкина «Дорога в нижний мир» приводит к следующим выводам:

1. Предмет «пыльное зеркало» служит прямым носителем семиотики зеркала, представляя собой, во-первых, способ самопознания героя, выполняющий гносеологическую функцию, во-вторых, модель отражения «зазеркальной» реальности и, в-третьих, средство магической связи отражения и отражаемого.
2. Мотив смерти и загробного мира, присутствующий в семиотике зеркала, содержится в названии повести «Дорога в нижний мир» как средство отражения художественного мира повести и рецептивной компетенции, дающей возможность интерпретации для читателей.
3. Семиотика зеркала как знак художественного отражения действительности содержится в дипломной работе Проньки Алкуоля – триптихе «Кто дал эвенкам солнце», использующем для передачи настроения, самобытности эвенкийского народа приемы цвета, колористики, портретного образа.

4. Мотив двойничества как один из знаков семиотики зеркала выражен во взаимосвязи главного героя с другими персонажами – отцом и другом Толей Вотулу, основанной на схожести их жизненных обстоятельств, как талант к живописи, пьянство, разрыв с семьей, самоубийство, ранняя смерть.

5. Отражение авторской мысли в репликах врача Белых проецирует семиотику зеркала, одновременно создающую образ автора наряду с такими языковыми средствами, как фразеологизмы, пословицы, обращения, выражающие отношение автора к происходящему.

6. Семиотика зеркала прослеживается также в значении имени и фамилии главного героя, отражающей характеристику героя – его зависимости от алкоголя, и главной проблемы повести – распространенности этой эпидемии на всех людей.

7. Таким образом, семиотика зеркала в повести А. Н. Немтушкина выявляется в нескольких смысловых парадигмах: сюжетном, художественно-образном, символическом, культурно-историческом уровнях. При этом семиотика зеркала, охватывающая широкий спектр знаковых систем, проявлена в достаточно разнообразном семантическом контексте, как гносеологическая функция, мотив загробного мира, мотив двойничества, художественное отражение действительности и проявление авторского образа.

Л и т е р а т у р а

1. Ch. Morris, Signs, Language and Behaviour, New York, 1950.
2. Ch. Peirce, Collected Papers, Cambridge, 1960, vol. 2.
3. Алексеева Н. Н. Этнопоэтическая содержательность образов пути, дороги, тропинки в эвенкийской поэзии // Сборники конференций НИЦ Социосфера – 2015. – № 9. – С. 94-96.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Издание 2-е. М.: Искусство, 1986. С. 9-191, 404-412.
5. Иванова Э. В. Вертикальная модель мира в произведениях эвенкийских писателей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №11-1 (77).
6. Кандинский В. В. О духовном в искусстве – Москва: РИПОЛ классик, 2016. – 249 с.
7. Кирцер Ю. М. Рисунок и живопись: [Учеб. пособие] – 5. изд., стер. – Москва: Высш. шк., 2003. – 270 с.
8. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Тр. по знак. системам / под ред. Ю. М. Лотмана. – Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-т, 1981. – Т. XIV. – С. 5. – (Уч. зап. Тарт. гос ун-та. Вып. 567).
9. Мельшиор-Бонне Сабин. История зеркала – Москва: Новое лит. обозрение, 2005 (ОАО Ярослав. полигр. комб.). – 452 с.
10. Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэдь-лүчады түрүрүк. — Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.
11. Немтушкин А. Н. Избранное. Красноярск, 2005 г. – 512 с.
12. Непомнящих Н. А. Эвенкийская литература: специфика генезиса и бытования, типические сюжеты и мотивы // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4 – С. 75-82.
13. Орлова Е. И. Образ автора в литературном произведении: учеб. пособие. – М., 2008. – 44 с.
14. Роговер Е. С. Эвенкийская литература // Литература народов Севера. Очерки, статьи, эссе: учебное пособие. – СПб.: Издательство «Дрофа» Санкт-Петербург», 2008. – С. 184-203.
15. Солнцев Р. Песни срединной земли // Литературная Россия. Интернет-портал. № 2006 / 45, 23.02.2015 <https://litrossia.ru/item/1353-oldarchive/>
16. Таланцева О. Ф. Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Семиотика материально-художественной культуры» – Минск, 2015. – 281 с.
17. Урванцева Н. Г. Зеркало как принцип поэтики в русской детской литературе XX века – Казань: Общество с ограниченной ответственностью “Бук”, 2015. – 96 с.
18. Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание / сост. игумен Андроник (Трубачев), М. С. Трубачева, Т. А. Флоренская, П. В. Флоренский; предисл. и коммент. игумена Андроника (Трубачева). – М.: Моск. рабочий, 1992. – С. 174-175.
19. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. В 2 тт. Т. 1. / Пер. с англ. М. Рыклина. М: Терра – Книжный клуб, 2001. – С. 260- 270.

20. Хазанкович Ю. Г. Эвенкийская литература: проблемы периодизации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 108. – С. 99-109.
21. Хоютанова М. Т. Концептуальный подход к анализу произведений Алитета Немтушкина (на примере повестей «Мне снятся небесные олени» и «Самелкил. Метки на оленьем ухе») // URL: <https://eidos-journal.livejournal.com/7722.html>.
22. Эвенкийская литература: Сборник / Составитель Вячеслав Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2006. – 320 с.

References

1. Ch. Morris, Signs, Language and Behaviour, New York, 1950.
2. Ch. Peirce, Collected Papers, Cambridge, 1960, vol. 2.
3. Alekseeva N. N. Etnopoeticheskaya sodержatel'nost' obrazov puti, dorogi, tropinki v evenkijskoj poezii // Sborniki konferencij NIC Sociosfera – 2015. – № 9. – С. 94-96.
4. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – Izdanie 2-e. M.: Iskuststvo, 1986. S. 9-191, 404-412.
5. Ivanova E. V. Vertikal'naya model' mira v proizvedeniyah evenkijskih pisatelej // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. №11-1 (77).
6. Kandinskij V. V. O duhovnom v iskusstve – Moskva: RIPOL klassik, 2016. – 249 s.
7. Kircer Yu. M. Risunok i zhivopis': [Ucheb. posobie] – 5. izd., ster. – Moskva: Vyssh. shk., 2003. – 270 s.
8. Lotman Yu. M. Tekst v tekste // Tr. po znak. sistemam / pod red. Yu. M. Lotmana. – Tartu: Izd-vo Tart. gos. un-t, 1981. – T. XIV. – S. 5. – (Uch. zap. Tart. gos un-ta. Vyp. 567).
9. Mel'shior-Bonne Sabin. Istoriya zerkala – Moskva: Novoe lit. obozrenie, 2005 (OAO Yarosl. poligr. komb.). – 452 s.
10. Myreeva A. N. Evenkijsko-russkij slovar' = Evedy-luchady türerük. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 798 s.
11. Nemtushkin A. N. Izbrannoe. Krasnoyarsk, 2005 g. – 512 s.
12. Nepomnyashchih N. A. Evenkijskaya literatura: specifika genezisa i bytovaniya, tipicheskie syuzhety i motivy // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2014. №4 – S. 75-82.
13. Orlova E. I. Obraz avtora v literaturnom proizvedenii: ucheb. posobie. – M., 2008. – 44 s.
14. Rogover E. S. Evenkijskaya literatura // Literatura narodov Severa. Ocherki, stat'i, esse: uchebnoe posobie. – SPb.: Izdatel'stvo ««Drofa» Sankt-Peterburg», 2008. – S. 184-203.
15. Solncev R. Pesni sredinnoj zemli // Literaturnaya Rossiya. Internet-portal. № 2006 / 45, 23.02.2015 <https://litrossia.ru/item/1353-oldarchive/>
16. Talantceva O. F. Uchebno-metodicheskij kompleks po uchebnoj discipline «semiotika material'no-hudozhestvennoj kul'tury» – Minsk, 2015. – 281 с.
17. Urvanceva N G. Zerkalo kak princip poetiki v russkoj detskoj literature XX veka – Kazan': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Buk", 2015. – 96 s.
18. Florenskij P. A. Detyam moim. Vospominaniya proshlyh dnei. Genealogicheskie issledovaniya. Iz Soloveckih pisem. Zaveshchanie / sost. igumen Andronik (Trubachev), M. S. Trubacheva, T. A. Florenskaya, P. V. Florenskij; predisl. i komment. igumena Andronika (Trubacheva). – M.: Mosk. rabochij, 1992. – S. 174-175.
19. Frezer Dzh. Dzh. Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii. V 2 tt. T. 1. / Per. s angl. M. Ryklina. M: Terra – Knizhnyj klub, 2001. – S. 260-270.
20. Khazankovich Yu. G. Evenkijskaya literatura: problemy periodizacii // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2009. – № 108. – С. 99-109.
21. Khoютанова М. Т. Концептуальный подход к анализу произведений Алитета Немтушкина (на примере повестей «Мне снятся небесные олени» и «Самелкил. Метки на оленьем ухе») // URL: <https://eidos-journal.livejournal.com/7722.html>.
22. Evenkijskaya literatura: Sbornik / Sostavitel' Vyacheslav Ogryzko. – M.: Literaturnaya Rossiya, 2006. – 320 s.

ЕВСЕЕВА Алиса Владимировна – магистрант филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: alicevseeva@mail.ru

EVSEEVA Alicja Vladimirovna – Master's student, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.512.157-1Васильев.09

DOI 10.25587/litteraесvfu.2023.22.91.007

A structural analysis of the literary olonkho "Erchimen Bergen" by Sergei Vasilyev-Borogonsky

V. E. Stepanova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ varvarast77@mail.ru

Abstract. In modern literary studies, the study of the poetics of a work of art in terms of identifying its aesthetic, genre, plot and compositional features remains one of the relevant issues. The article presents a structural analysis of the text of the literary olonkho "Erchimen Bergen" by Sergei Vasilyev-Borogonsky in the context of the poetics of the Sakha heroic epic. The study of the text is aimed at identifying the artistic and genre features of the literary olonkho dedicated to children's reading. In the course of the analysis of the work, the originality of the poetic language is revealed, namely, the issues of the author's use of visual and expressive means are considered. As a result, certain aspects of the artistic skill of the poet Sergei Vasilyev-Borogonsky are revealed.

Keywords: Sergei Vasilyev-Borogonsky, literary olonkho, olonkho for children's reading, images of olonkho, plot of olonkho, poetics of olonkho, structural analysis of the text.

For citation: Stepanova V. E. Structural analysis of the literary olonkho "Erchimen Bergen" by Sergei Vasilyev-Borogonsky. Issues of national literature. 2023. No. 2(10). Pp. 50–60. DOI: 10.25587/litteraесvfu.2023.22.91.007

Структурный анализ литературного олонхо «Эрчимэн Бэргэн» С. С. Васильева-Борогонского

В. Е. Степанова

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ varvarast77@mail.ru

Аннотация. В современном литературоведении изучение поэтики художественного произведения в аспектах выявления его эстетических, жанровых, сюжетно-композиционных особенностей остается одним из актуальных проблем. В статье представлен структурный анализ текста литературного олонхо «Эрчимэн Бэргэн» С. С. Васильева-Борогонского в контексте поэтики героического эпоса народа саха. Изучение текста направлено на выявление художественных и жанровых особенностей литературного олонхо, посвященного детскому чтению. По ходу анализа произведения раскрывается своеобразие поэтического языка, а именно, рассматриваются вопросы использования автором изобразительно-выразительных средств, в результате чего выявляются отдельные аспекты художественного мастерства поэта С. С. Васильева.

Ключевые слова: С. С. Васильев-Борогонский, литературное олонхо, олонхо для детского чтения, образы олонхо, сюжет олонхо, поэтика олонхо, структурный анализ текста.

Для цитирования: Степанова В. Е. Структурный анализ литературного олонхо «Эрчимэн Бэргэн» С. С. Васильева. Вопросы национальных литератур. 2023, № 2 (10). С. 50–60. DOI: 10.25587/litteraесvfu.2023.22.91.007

Introduction

Under the category of "poetics" the problems of "construction of works of art" are considered in the fundamental work by B. V. Tomashevsky [16, p. 25]. In theoretical works, the analysis of a literary text is understood in the meaning as the study of the "poetics of a work" [9, p. 182]. In the work of Yu. V. Mann, it is noted that the category of "poetics" in a narrow sense is the study of the problems of poetic speech and style, and in a broader sense – the comprehension of "not only speech, but also other structural moments of a literary text" [7, p. 7]. The researcher analyzes the works, focusing on the problem of "ordinary aspects of poetics" [7, p. 8].

Currently, research is being conducted in Yakut epic studies to comprehend the problems of poetics, genre and artistic features of the heroic epic of the Sakha people, including Olonkho, created by olonkhosuts-writers. The works of V. V. Illarionov [5], A. A. Kuzmina [6], E. A. Arkhipova [1] and others are devoted to the study of the specifics of the imagery and aesthetics, verse organization of literary olonkho by writers P. A. Ojunsy, S. S. Yakovlev-Erilik Eristiin, V. M. Novikov-Kyunnyuk Urastyrov.

The source-based perspectives of olonkho research, including the problem of structural analysis of olonkho, are considered in the work of P. V. Sivtseva-Maksimova [13]. The structural analysis of the olonkho of the storyteller I. G. Timofeev-Teploukhov "Obstinate Kulun Kullustuur" was carried out by A. P. Reshetnikova [11].

In this regard, of particular interest is the analysis of the text of S. S. Vasilyev's olonkho, adapted by him for children's reading. The issues of artistic features of literary olonkhos created by the poet were touched upon in the works of I. V. Pukhov, V. V. Illarionov, etc. The researchers emphasize the specificity of the olonkho text for children, written by Sergey Vasilyev, which consists in the originality of the description of the characters, plot, poetic language.

The main part

The system of images. The images of the characters of the Yakut epic are numerous and diverse. The famous eposologist Innokenty Vasilyevich Pukhov systematized and characterized the images of the heroes of *aiyy* deities, women, *abaasy* demons, found in various texts of their folk tales, paying special attention to the main character olonkho [10].

According to the principles of the Pukhov's classification and according to the definitions of genre features of olonkho by Georgy Ustinovich Ergis, in the work "Erchimen Bergen" we systematized the images of the main character, *aiyy* heroes, enemies of the *aiyy* – *abaasy* tribe, female images, episodic characters.

The main character is Erchimen Bergen, "requested by elderly parents" [11, p. 111], Erien Toyon Oyonnyor (old man Erien Toyon) and Ebirioldjin Khotun emeekhsin (old woman Ebirioldjin Khotun). As is customary in the oral folk epic, he grows not by years, but by days, which is transmitted by the author when using the traditional technique of hyperbolization of folk olonkhos: "*Already one day - / He became a year old, / On the third - / He did not allow himself to contradict / . / And it was difficult for them / Believe my eyes: Their son grew up / By leaps and bounds, by the hour*" [3, p. 114]. The "miraculous growth" of an epic hero is a universal plot motif of a heroic epic. It should be noted that only in this olonkho by Vasilyev is narrated about the birth of a hero sent to protect *aiyy aimaga*. In other olonkhos of the poet, the main characters are heroes who have already settled in the Middle World and are aware of their destiny.

In the introduction of olonkho "Erchimen Bergen" tells about the sudden disappearance of the boy, which was not accidental. It turns out that Yuryung Aar Toyon sent: *the famous key-keeper of the sun and moon, Kyukyurdyuur Beghe (Kukurdur Bege)* "for the boy to conduct the rite of initiation into the heroes, because his purpose, like the classic hero Nyurgun Bootur the Swift, is to protect the *aiyy* tribe from the evil enemy – *abaasy*. Yuryung Aar Toyon gives the name to the hero: Erchimen Bergen with a frisky horse Emnik. The hero, returning to his parents, performs a toyuk about this story: "*The Run of the Kyukyur / The lump did not drop, / <...> / He called me / And led him / To the south, to the top / of the Golden Mountain / In the life-giving*

moisture, / Like a loon, / For three days and three nights / He bathed me / In the forge furnace / Khara Duodara / In a row tempered / Until the ninth day, / So that My body and bone were like steel, / So that my wounds / They did not bring him to the churchyard. / Then he equipped, / Gave him armor, a horse..." [3, p. 118-119].

The work gives a detailed description of the appearance of the hero: *"Kurtuyakh nuohgajyn kurduk / Kuudaralaakh beskileekh, / Eredehinneekh yuyun tierbehin kurduk / Erilkei kharakhtaakh, / Khara sahyl kuturugun / Kharsyhyynnara uurbut kurduk / Klalyng khaastardaakh <...> / Taba kyyl akymalyn silitinen / Narylaan ongorbut kurduk / charaas uostaakh ebit"* [2, p. 8] (*has curly bangs, like the crest of a black grouse, has bright round eyes, like a ring of twisted bits, has thick eyebrows, like the tail of a black fox, has thin lips, like a product of the bone marrow of the forearm of a deer*) (*our translation – S. V.*). A detailed portrait of the main character olonkho is created by various epithets, comparisons, which conveys the essence of the heroic spirit of the hero, his masculinity, courage. The idealization of the main hero in Olonkho, the creation of the image of an all-conquering warrior are aimed at achieving national goals – the justification of the human tribe on earth and its protection from enemies [10].

The image of Erchimén Bergen is clearly drawn: his birth, wonderful growing up, reincarnation into a champion-hero, defender of the Middle World. He is certainly endowed with qualities similar to the character traits of the heroes of the folk epic. The character, willpower, the desire to win and the thoughts of the hero are fully revealed in duels with the heroes of abaasy.

In folk tales, the hero's companion is a heroic horse – a fighting friend and assistant. On it, the hero overcomes long distances, obstacles and obstacles on the way: he swims across the fiery seas, oceans, crosses the taiga, high mountains. The horse warns its owner of danger, gives wise advice. The appearance and color of the horse, its speed, saddle, bridle, reins are outlined in detail. At the same time, in many olonkhos, the horse is endowed with reason, can speak.

The horse of the hero Erchimén Bergen has a rare name – *"Ikki kulukteekh Emnik kulun at"* (frisky horse Emnik). In olonkho there is no description of the appearance of the horse, but in the plots where the hero's struggle is described, the assistant of the Erchimén Bergen is always next to him, supports the owner. A more detailed description of the movement, speed, agility of the horse is given in the episode of the battle path of Erchimén Bergen to the battle with the hero of abaasy.

The main functions in the development of the plot, along with the main character, are performed by the images of the heroes of aiyy – Araat Mokhsogol with a black horse Ayp Khandagai and Kyda Tuguttai. Araat Mokhsogol, who at the beginning of the legend is not familiar with Erchimén Bergen, they are "introduced" by Chungkunuur Chuura – the hero of abaasy. The author does not assign a special place to describe the appearance of Araat Mokhsogol, however, his image is revealed in the struggle with Erchimén Bergen: *"Araat Mokhsogol /.../ Abatygar, / Ayaghyttan kutaa uot kytastan, / Changchygyttan siere uot sakkyraan, / Omunnaakhtyk uhuutaan ylattaata, / Khatannyk khahyytaan ylattaata. / <...> / Tutummakka-chuguibakka, / Uun-utary khaaman kelle"* [2, p. 18] (*Araat Mokhsogol, with annoyance, fire burns from his mouth, fire ignites on his temples, sighed heavily, screamed loudly, went to meet him without retreating back*). He is fearless, hot-tempered, ready to fight for victory.

In the transfer of the image of the heroes, S. Vasilyev reveals the personal qualities and feelings of the heroes, which are exposed in the struggle, in overcoming obstacles, in relationships with other characters of olonkho. The heroes are residents of the Middle World. The connection of the heroes with the Upper World is weakly expressed, in difficult moments they do not ask for the patronage of the deities of the Upper World, but turn for help to people living next to them in the Middle World. This is the difference between the author's depiction of heroes-heroes from the heroes of the oral olonkho.

The work presents the image of the Tungus bogatyr Kyda Tuguttai, who reveals himself as the bogatyr aiyy – hunter. He is the first to respond to the call of Erchimén Bergen for help, saves him from certain death. In the final part of olonkho, the Tunguska hero receives an invitation to the wedding of Erchimén Bergen.

In the folk epic, the image of the Tungus hero is mostly negative: he kidnaps the girl aiyy and hides. Thus, for the people, the hero of the Tungus hero is not the hero of aiyy or abaasy. According to the definition of folklorists, he is a taiga hero named Arjmaan-Jarjamaan, who *is depicted as an old man in fur coat, skiing or riding a deer* [17, p. 205]. The hero Kyda Tuguttai also rides deer, but his external data are not described. As noted by Innokenty Pukhov, the "Tungus bogatyr" in Olonkho is a generalized image of an epic enemy, and there is no national sign in his image, the Tungus bogatyr is depicted in the same way as, for example, the Kalmyk bogatyr in Alpamysh or the image of Tatars in Russian epics [10, p. 59].

In the heroic epic, the images of enemies – abaasy, who oppose the heroes of aiyy, are mandatory. Abaasy is depicted as a monster with one arm growing out of the middle of his chest and with one leg, with one eye on his forehead and a long tongue with large crooked teeth. Innokenty Pukhov defines that "monster enemies and their appearance are so traditional in olonkho that when in some modern records the Olonkhos of the Soviet period describe them having paired limbs and two eyes, this is accepted by many as a violation of the established "norms" of olonkho" [10, p. 50].

Moreover, abaasy are endowed with the ability to transform into animals, birds, etc., which is interpreted by the fantastic fabulousness of olonkho.

In the Vasilyev's olonkho, the images of the heroes of abaasy are represented by Chungkunuur Chuura and the Fiery Urbaldzhyn. The first of them is depicted at the beginning of the text of olonkho, he fraudulently calls the heroes of aiyy to battle with each other, and he instantly transforms into the mythical bird *exekyu*. In addition, abaasy Chungkunuur Chuura can transform into a wolf. He wants to kidnap and marry Araat Mokhsogol's sister, Khaachyalaan Kuo. In his image, we can assume that the author summarized all the negative traits of a person's character. The appearance of Chungkunuur Chuur is described briefly and revealed in the episode when he fights with Erchimen Bergen. The image of the character of the Fiery Urbaldzhyn is identical to the image of the monster: *"allara otto aigygyr, / Uohe otto bulgugur sarynnaakh, / Syuuhyun khaba orthotugar / Soghotokh et-berge kharakhtaakh, / Tyung-tyuu, et challakh korungneekh / Allaraa doidu atamaana..."* [2, p. 26] (*the leader of the Lower mira with a broad torso, sloping shoulders, in the middle of the forehead a single eye, all hairy, dense, muscular*). The monster has a six-legged piebald horse and is a hero of the Lower World. Consequently, the description of the appearance of abaasa, the disclosure of their images in the Vasilyev's olonkho corresponds to the depiction of enemies-monsters of folk tales of the pre-soviet period.

The protection of the aiyy woman, as one of the motives of olonkho, brought the female image to the fore. The heroine of Olonkho appears as the embodiment of ideal female beauty. Her indescribable external beauty is combined with sensitivity, responsiveness, kindness.

In the Vasilyev's work, a beautiful girl Khaachyalaan Kuo appears in the image of a woman aiyy. She is the sister of the hero Araat Mokhsogol, and in the future becomes the betrothed bride of the main character Erchimen Bergen. The image of the beautiful girl olonkho is revealed, as in the folk tale, as the keeper of the hearth and the embodiment of a peaceful, happy life. Her indescribable beauty is conveyed with the help of metaphors used in the texts of the Yakut heroic epic:

*Takhsar kun sardangata
Chabyrghaiygar oonnjuur,
Kiirer kyun kilbiene
Iedehiger tygar,
Sir dieki kordoghyune –
Sir settete sibtii buolar,
Khallaan dieki khaiystaghyna –
Khallaan aghysta sydjaai gynar*
[2, pp. 19-20].

A ray of sunshine is playing
On transparent temples,
Sunset fire –
On blooming cheeks.
Will look at the ground -
Seven times the earth shines.
Will look at the sky –
Eight times it brightens

The traditional characters of Olonkho are slaves. The image of a domestic slave is characteristic – Simekhsin emekhsin (old woman Simekhsin). In folk tales, the old woman Simekhsin is a devoted cowgirl who protects the cattle entrusted to her. S. S. Vasilyev introduces this character into his work. As in the folklore olonkho, in the author's olonkho, the old woman Simekhsin – a cowgirl slave – foreshadows the coming trouble. In this case, the old woman Simekhsin informs Erchimen Bergen about the intentions of the hero-abaasy of the Fiery Urbaldzhyn to kidnap the beautiful Khaachyalaan Kuo. The work indicates the age of the old woman Simekhsin, she is seventy years old, and in a hurry she stumbles over the ropes of her bags and falls to the ground. Lying on the ground, without ceasing to cry, she warns Erchimen Bergen about the imminent trouble.

In the Vasilyev's olonkho, there is a character – Kytalyk kyys (Siberian crane-girl), a messenger of the Supreme Deity Yuryung Aar Toyon, who can speak humanly, performs the role of an assistant in a difficult situation for the hero aiyy. She brings the news to Erchimen Bergen that the abaasy hero is trying to kidnap his bride Khaachyalaan Kuo, and gives the hero living water. The images of harbingers in the Vasilyev's work are episodic and perform the same functions as in the heroic tales of Yakut folklore.

Therefore, in olonkho "Erchimen Bergen" the external features and heroic qualities of the heroes, the beauty of the girl are described on the basis of the traditions of folk tales. Such characters as the parents of the main character, as well as other heroes, a beautiful girl, an old woman Simekhsin are residents of the Middle World. In the work there is no hero born in the Upper World and sent to the Middle World. Erchimen Bergen asks for help from his fellow tribesmen, the inhabitants of the Middle World. The Tungus hero-hunter comes to his aid first. In addition, unlike the "Tungus bogatyr" depicted in many folk tales, S. S. Vasiliev's image of Tungus is positive.

Plot and composition. The plots of olonkho are considered in the works of many epic scholars. As Pukhov notes, the essence of olonkho's plots is that they reveal the heroic nature of the exploits of the main heroes. The plot itself does not play a major and decisive role in establishing the features of the epic genre [10]. The plot of the epic tale looks similar to the plots of fairy tales, but the plot of olonkho is more complex, multifaceted. In the fairy tale, the problems are limited to the family, and in the plots of Olonkho, the heroic struggle of the heroes is for the well-being of the entire tribe.

According to G. U. Ergis, the plots of olonkho are connected with the socio-historical conditions of the people's life and reflect the path of the people's development in a peculiar, well-established epic form, in terms of heroization and hyperbolization of the actions and character of tribal warriors. Reality is refracted through the prism of epic fiction [17, p. 197]. Nadezhda Volodarovna Pokatilova in the plot of olonkho "Kuruubai Khaannaakh Kulun Kullustuur" ("Obstinate Kulun Kullustuur") highlights "the main narrative part and an additional branch of the narrative" [8, p. 148]. A monographic study of the plots of olonkho was conducted by Nikolay Vasilyevich Emelyanov. The epicologist systematized the plots according to their ideological and thematic typology. He emphasizes that "the plot unfolds as a legend about the heroic hero aiyy aimaga in a certain epic epoch of bygone times, the action takes place within the epic space of the mythological world ..." [4, p. 47].

The compositional structure of olonkho is of the same type. The epic space of the three worlds was created by the deities of aiyy. The middle world is meant for the Uraangkhai Sakha tribe. Next, the sacred tree Aal Luuk (Kuduk) is drawn Mas, personifying the bright beginnings of the Middle World. Then the hero of aiyy, his dwelling, property, weapons, etc. are described.

The plot develops from the beginning of the conflict. The heroic exploits of the main character are performed from the moment of the sudden attack of abaasy on the country of aiyy. This may be the abduction by the hero of abaasy of the sister or the betrothed of the hero of aiyy. The culmination of the action is the meeting of the opposing forces. In a fight with the enemy,

which takes place in the form of a contest or a heroic battle, the hero of aiyy wins. The legend ends with the hero's return to his native land.

The plot of olonkho "Erchimen Bergen" by Vasilyev is about the defenders of the tribe, where the main character is a hero of the Middle World. His parents are known in the work. They gave birth to a child for the first time at an advanced age, a future hero, and therefore he is long-awaited for them. There are more than ten characters in olonkho, who are grouped around the main character and his opponents.

The events in the author's olonkho are divided into five conditional parts: 1) The birth and initiation into the heroes; 2) The struggle of the heroes of aiyy among themselves; 3) The indication of the intended bride; 4) The struggle of Erchimén Bergen with the heroes of abaasy; 4) The salvation of the bride from abaasy, the marriage of the hero.

Birth and initiation into the heroes (lines 1-291). They tell about the parents of the future hero, and also describe the picture of the "wonderful growing up" of the boy. One morning, when the boy was playing in the field, he suddenly disappeared, which caused great anxiety among his parents. The boy was taken with him to the Upper World by the hero Kyukyurdyr Bege, at the behest of the Supreme Deity – Yuryung Aar Toyon. Kyukyurdyr Bege dedicates the boy to the heroes, Yuryung Aar Toyon names him Ikki kulukteekh Emnik kulun attaakh Erchimén Bergen, also gives him a horse and appoints him a great hero – defender of the Middle World.

The struggle of the heroes of aiyy among themselves (lines 292-621). The root cause of the struggle of the heroes of aiyy Erchimén Bergen and Araat Mokhsogol is the challenge of the representative of abaasy – the hero Chungkunuur Chuura. In the guise of exekyu, Chungkunuur Chuura comes to visit Erchimén Bergen and tells that supposedly the hero Araat Mokhsogol wants to take him to his servants. The insulted one immediately sets off on a journey to battle with the offender Araat Mokhsogol. Meanwhile, exekyu appears already at Araat Mokhsogol with the false news that Erchimén Bergen intends to take him by force as a servant. This "news" offends Araat Mokhsogol. He is preparing for an attack on the Erchimén Bergen and is going on a hike. But at this moment, Erchimén Bergen himself arrives. This fragment of the work describes the campaign and battles of two heroes. During their battle, Araat Mokhsogol's own sister, the beautiful Khaachyalaan Kuo, appears, who tells them about the evil trick of Chungkunuur Chuura: "Cruelly and viciously / You beat each other / <...> / You are both in the net / of Deceit and evil / <...> / You are both heroes / of the Aiyy People" [3, p. 142-143]. Thus, she saves her brother from imminent death and reconciles the heroes.

Indication of the intended bride (lines 622-877). In the plot, the main character Erchimén Bergen falls in love at first sight with Khaachyalaan Kuo, whom he then invites to his house, introduces her to his parents. During the wedding ceremony, the old woman Simekhsin resorts with bad news about the intentions of the Fiery Urbaldzhyn – to kidnap the bride of Erchimén Bergen. The hero is immediately going on a journey to fight the enemy. In parallel with this event, another action takes place: Chungkunuur Chuura tells the Fiery Urbaldzhyn that Erchimén Bergen is going to marry the beautiful Khaachyalaan Kuo, his bride. The fiery Urbaldzhyn also begins to gather for a fight with Erchimén Bergen.

The struggle of Erchimén Bergen against the heroes of abaasy (888-1166 lines). The plot of the meeting of Erchimén Bergen with abaasy unfolds. Their struggle is depicted, which, as in the folk olonkho, continues for thirty days. When the strength of the two heroes has dried up, Erchimén Bergen asks for help from the aiyy aimaga tribe. The hero Kyuya Tuguttai is "ten lands away" from the place of the battle, but after hearing a cry for help, he urgently resorts to the place of the battle of the heroes and helps the crippled Erchimén Bergen. He gives you a life-giving mixture from the blood of his deer to drink. So, with the help of Kyuya Tuguttai, Erchimén Bergen defeats the Fiery Urbaldzhyn.

Rescue of the bride from the hero abaasy and marriage (1166-1655 lines). In this part of the plot, sterkh appears – a heavenly messenger, who was sent by Yuryung Aar Toyon with living water for Erchimén Bergen. This water helps in the fight against Chungkunuur Chuura,

who has already kidnapped the beautiful Khaachyalaan Kuo. But Erchimén Bergen defeats him, rescues his parents, Khaachyalaan Kuo and her brother Araat Mokhsogol. The ending of the work: Erchimén Bergen rescues Khaachyalaan Kuo from captivity; the wedding of the main hero is described, where all the people of aiyy aimag, including Araat Mokhsogol and Kyйда Tuguttai, become invited guests.

Unlike the oral heroic epic, the Vasilyev's work begins with the author's introductory word, in which the children's request is voiced. The children ask the old man to tell them about olonkho. The work ends with the old man finishing the tale, the children thank him, they were "captivated by the fairy tale." The author's digressions act as off-plot elements in the work. This is the main difference between literary olonkho for children's reading and folk tales [14, p. 25].

In most epic tales, the main motive is the abduction of the bride or sister of the hero aiyy, and in the plot of Vasilyev's olonkho, the conflict develops on the deception of the Chungkunuur Chuura of the hero, who takes the form of an exekyu.

Visual instrument in literary olonkho. The analysis of the poetic language of the work is one of the main directions of the study of the poetic skill of the writer. The poet conveys his thoughts through an artistic word. To create a highly artistic image, to achieve an aesthetic impact on the young reader, Vasilyev uses various stylistic figures, poetic techniques, visual means.

Georgy Ergis writes about the Olonkho language: "The Olonkho language is magnificent and majestic, saturated with a large number of archaic words and expressions, now out of use in colloquial speech, difficult to understand even by the storytellers themselves. At the same time, Russian loanwords are also used in comparisons and epithets" [17, p. 212]. The language and style of olonkho is the highest form of polished, processed, artistically organized oral poetic speech.

Olonkho "Erchimén Bergen", based on the plot and images of oral folk tales of olonkho, the text of which is literarily processed by Vasilyev. The poet reinterpreted the main artistic techniques, creatively, in a peculiar way used the traditional visual and expressive means of Yakut folklore [15, p. 170].

The antithesis is masterfully used in the work, which, as a method of sharp opposition of images and concepts, is formed thanks to the words-antonyms: *Bylyrgy djyl myndaatyn / Bydan nengye ettuger*, / *Anygy uje arghahyn / Adjas anaraa siksiger* [2, p. 4] (*a long time ago – present*), *Ilin astara / Elemestiyein saghana*, / *kelin astara / Keremestiyein saghana* [2, p. 5] (*front hair on the temples - back hair on the back of the head*), *Ilin atakh / Ebire suokh*, / *Kelin atakh / Kebire suokh* [2, p. 39] (*front legs – hind legs*).

The artistic feature of olonkho is the use of hyperbole, which gives it a special fantasy and epic fabulousness. In the text adapted for children by olonkho "Erchimén Bergen" hyperbole is particularly successfully used in the narration of the "miraculous birth, growing up" of the boy. Hyperbolic descriptions of the tall stature of the hero: "*Then on a huge / Sleeping bench (which is fifteen / Fathoms long) / He spread out the bed*" [3, p. 120], or images of the monster's appearance: *Chaasky sagha kharakhtaakh*, / *Chaan olgui sagha bastaakh* [2, p. 11] (*His eyes are like a huge bowl, his head is like a big cauldron*). The author admires the physical strength of the hero: *With a mighty hand*, / *Quite effortlessly*, / *He laid down trees*, / *As if he mowed them down*, / <...> / *He erected a very large urasa out of them* [3, p. 120]. *With the help of exaggerations, the duel of the heroes is described: Oruluur otut khonugun meldji*, / *Utuibakka-olorbokko okhsustular da...* [2, p. 36] (*for thirty consecutive days, without sleep and rest, they fought*), etc. One of the poet's favorite techniques are repetitions, which mark the intonation equalization of those parts of the text in which they are common. In the text we find repetitions-epiphores in the description of the portrait of the main character. *Buolan*, "*kiki ebit*," "*ebi*," "*kurduk*" are repeated.

The Vasilyev's olonkho, like oral olonkho, is filled with epic formulas created with the help of syntactic parallelisms:

Bylyrgy djyl myndaatyn
Bydan nengyuo ettyuger,
Anygy uye arghahyn
Adjas anaraa siksiger,
Turuu baraan dojdu
Tunalyjar tuohakhtatygar,
Aghys uon aghys khaja,
Altyhar arghahygar,
Toghus uon toghus yurekh
Doghordohor tujmuutugar,
Bukhatyyr yeskyekh,
Buojon olokhsujuokh... [2, p. 4]

Beyond the cloud range
Hoary antiquity
Within the blooming
The forest side,
On the granite firmament
Runaway mountains,
At the junction of friends
Rivers and lakes,
Not very spacious,
But not small either,
Once a country
Aiyy was

Parallelisms in the work suggest a compositional correlation of adjacent syntactic segments of the text.

The author uses a comparison technique. When depicting the portrait of the main character, he uses traditional methods of comparison with the postpositions of *dyly*, *kurduk*, *ebit* (as if, as if, like, like): "Munnuktaakhkha dyly / Daraghar sarynnammyt, / Kyrylaakhkha dyly / Metegher tuestemmit"[2, p. 7] (*"The shoulders have expanded with steep angles, the chest muscles bulge"*) [3, p. 116]; "Uluu tayakh ullungun unguoghun / umsa tappyt kurduk, / Uhun syiyyillaghas murunnaakh ebit, / Taba kyyl akymalyn siliitinen / Narylaan ongorbut kurduk / Charaas uostaakh ebit..." [2, p. 8] (*has a straight nose, like the elongated bones of an old elk's foot, with thin lips, like a product of the bone marrow of a deer's humerus*), etc. The parents of Erchimén Bergen – the old woman's mother Ebiriéljin and the old man's father Erien Toyon – have numerous acquaintances, their number is likened to a dense forest: "Kingkir khara tya kurduk / kieng bilsileekh djon ebit, / Baai khara tya kurduk, / Bar djonnokoh ebit"[2, p. 6] (*they have many acquaintances, they are so a lot, like a dense black forest*). The angry state of the hero Araat Mokhsogol, who puffed up with anger, is transmitted in comparison with a huge hill: "Araat Mokhsoghol / Saar bulgunnjakh kurduk / Saraya yullen taghysta. / Duul bulgunnjakh kurduk / Tomtoio yullen taghysta"[2, p. 17] (*Araat Mokhsogol swelled like a large mound, towered like a high hill*).

Thus, the poet likens what is depicted to natural phenomena, the animal and plant world, which is characteristic of folk poetry in general. Such comparisons as: "*Kuyah tangaha homuiuiolka son kurduk kurdasyar dieri*" [2, p. 15] (*as long as the steel clothes pierced through*), *Tyuehyun ete sorokobuoy buochuka uoburuchchutun kurduk* [2, p. 25] (*chest muscles like the hoop of the fortieth barrel*), *Khaakhtyibyt kuos kurduk hardygrhachchy tyynan ylar buollular*" [2, p. 25] (*they began to breathe with difficulty, as if a burnt brew*) – are copyrighted.

To create images of the heroes of Olonkho, descriptions of the time and place of fantastic incidents, the author widely uses a variety of epithets. The author uses color epithets to depict the horses of the heroes: *Ылп khandaghay khara attakh*"[2, p. 21] (*with a magic black horse*), *Ыла елемес attakh*"[2, p. 26] (*on a piebald horse*); to describe the beauty of the olonkho country: "*Khara tya khaimyulaagha, / Kyuekh tya kyuryeoleeghe ebite yuhyu*" [2, p. 4] (*there were black and green forests around the edges*), in the appearance of the main character, the poet clarifies the hair color: *Rhampa kyemyus battakhtaakh... kyemyus dolgun keghulleekh*" [2, p. 5] (*has golden hair... golden wavy bangs*). The text contains an abundance of traditional color epithets: *kyemyus, altan* – *golden, silver: kyemyus kyumei* (*golden voice*), *kyemyus battakh* (*golden hair*), *kyemyus chychaakh* (*golden bird*), *tardyy kyemyus tarbakh* (*silver fingers*), *kyhyv kyemyus kvryylaakh bergehe* (*silver with sharp edges hat*), *kyemyus khava* (*golden*

mountain); epithet yuryung, mangan – white: yuyrur kyun (white sun), kyyda mangan khallaan (whitest sky); epithet kyuekh – green: bylakh kyuekh sebirdekh (dark green leaves), kyuekh solko khonuu (green silk meadow), etc. To denote the sky, the sun, the forest, the poet uses constant epithets: kyyray mangan khallaan (high white sky), alamay kyun (clear sun), kingkir khara tya (dense dark forest).

In the text of the epithets are often used in the composition of the qualitative and noun phrases, for example, in this respect: *Aghys uon aghys khaja / Altyhar arghahygar / Toghus uon toghus yurekh / Doghordohor tujmuutugar*" [2, p. 4] (where intersect eighty-eight mountains, became friends and ninety-nine streams), "uon sis unguortan onu chuorduk" [3, p. 29] (clearly heard in ten land). These epithets perform a hyperbolizing function. In addition, the author skillfully uses metonymic epithets: *"Kharakhtaakh kerbetekh / Kulgaakhtaakh istibetekh / yutyue djakhtara"* [2, p. 22] (No one who has eyes has seen a beautiful woman, who has ears has not heard).

To convey the indescribable beauty of Khaachyalaan Kuo, the poet uses detailed epithets and the technique of personification: *"kyun sardangata /<...>/ oonnjuur"* [2, p. 20] (the sunbeam plays). The author personifies such natural objects and phenomena as: sun, sky, trees, forest, whirlwind, etc. For example: *Khara sygynakhtar... khahyytaha khaallylar*" [2, p. 26] (the black roots of the trees remained with a cry), *"Aan khalaryk argystahan barda, / Dobun khalaryk doghordohon barda"* [3, p. 36] (the whirlwind began to accompany), *"sygynakh sylylnna"* [2, p. 36] (the roots of the trees spread). So the poet personifies the phenomena and objects of nature, figuratively likening them to living beings. Thanks to the creative imagination of the poet, a poetic image appears in a bright unusual form.

Conclusion

Thus, as a result of studying the olonkho text for children's reading "Erchimen Bergen", the following conclusions can be drawn:

1. The system of images of the literary olonkho "Erchimen Bergen" is built on the traditions of the Yakut oral heroic epic. The mythological character of the literary olonkho is conveyed by a brief outline of the image of Yuryung Aar Toyon – the Supreme Deity of aiyy, the harbinger-sterkh, as well as the image of Aal Kuduk Tree, as the personification of all the bright principles of the Middle World.

2. The plot and compositional structure of the literary olonkho does not have a complex line, at the same time the Vasilyev's work is based on the plot of the heroic epic about the defenders of the tribe. The events described in olonkho are narrated in chronological order. The plot is specially simplified and adapted by the author for children to read.

3. The poet uses traditional means of oral folk art: constant epithets, detailed comparisons, combinations of impersonation techniques and hyperbole. The poetic techniques selected by the author contribute to the creation of vivid images, events and actions of the heroes of Olonkho.

References

1. Arhipova E. A. Stikh olonkho P. A. Ojunsogo «Nyurgun Bootur Stremitel'nyj (ritmika)» // Olonkho v mirovom epicheskom prostranstve: nasledie P. A. Oyunsogo: sbornik tezisov po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2018. – S. 42-43.
2. Vasilyev S. S. Erchimen Bergen: [olonkho dlya detej starshego vozrasta]. – Yakutsk: Yakutskoe kn. izd-vo, 1955. – 46 s.
3. Vasilyev S. S. Erchimen Bergen (olonho). – Yakutsk: Knizhnoe izd-vo, 1990. – 187 s.
4. Emel'yanov N. V. Syuzhety yakutskikh olonkho. – M.: Nauka, 1980. – 375 s.
5. Illarionov V. V. Olonkhosuty-pisateli i ikh olonkho // Olonkho – dukhovnoe nasledie naroda Saha: Sbornik nauchnyh statej. – Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2000. – S. 160-170.
6. Kuz'mina A. A. K voprosu o transformacii yakutskogo geroicheskogo eposa olonho: postanovka problemy, sistematizaciya i periodizaciya // Nauchnyj dialog. – 2019. – № 10. – S. 280-294.
7. Mann Yu. V. Poetika Gogolya. Variacii k teme. – M.: «Coda», 1996 – 474 s.

8. Pokatilova N. V. Problemy poetiki yakutskogo olonho: opyt analiza // Yazyk-mif-kul'tura narodov Sibiri: sbornik nauchnyh trudov. – Yakutsk: Izd-vo YaGU, 1994. – S. 148-163.
9. Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij / [gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko]. – M.: Izd-vo Kulaginoj: Intrada, 2008. – 357 s.
10. Pukhov I. V. Yakutskij geroicheskiy epos olonho. Osnovnye obrazy. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 256 s.
11. Reshetnikova A. P. Fond syuzhetnyh motivov i muzyka olonkho v etnograficheskom kontekste. – Yakutsk: Bichik, 2005. – 408 s.
12. Sivtseva-Maksimova P. V. Tipologiya strukturnogo analiza syuzhetnykh motivov olonkho na materiale issledovaniy A. P. Reshetnikovoj // Olonkho v mirovom epicheskom prostranstve: nasledie P. A. Ojunsogo: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, Yakutsk, 27–28 sentyabrya 2018 goda. – Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2018. – S. 65-67.
13. Sivtseva-Maksimova P. V. Istochnikovedcheskie rakursy kompleksnogo issledovaniya olonkho // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie. – 2019. – № 4(16). – S. 22-30.
14. Sivtseva-Maksimova P. V., Stepanova V. E. Istoriya tekstov literaturnykh olonkho S. S. Vasilyeva (na materiale prizhiznennykh izdaniy i rukopisej) // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie. – 2020. – № 1(17). – S. 122-135.
15. Stepanova V. E. Tvorchestvo S. S. Vasil'eva-Borogonskogo: fol'klornye istoki, poetika: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. – Yakutsk, 2022 – 203 s.
16. Tomashevskij B. V. Teoriya literatury. Poetika: uchebnoe posobie / Vstup. stat'ya N. D. Tamarchenko; Komm. S. N. Brojtmann pri uchastii N. D. Tamarchenko. – M.: Aspekt Press, 2002. – 334 s.
17. Ergis G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. [Otv. red.: V. E. Gusev; otv. za pereizd.: V. M. Nikiforov]; – Pereizd. – Yakutsk: Bichik, 2008. – 400 s.

Л и т е р а т у р а

1. Архипова Е. А. Стих олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный (ритмика)» // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского: сборник тезисов по материалам Международной научной конференции. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – С. 42-43.
2. Васильев С. С. Эрчимэн Бэргэн: [олонхо для детей старшего возраста]. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1955. – 46 с.
3. Васильев С. С. Эрчимэн Бэргэн (олонхо). – Якутск: Книжное изд-во, 1990. – 187 с.
4. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.
5. Илларионов В. В. Олонхосуты-писатели и их олонхо // Олонхо – духовное наследие народа Саха: Сборник научных статей. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2000. – С. 160-170.
6. Кузьмина А. А. К вопросу о трансформации якутского героического эпоса олонхо: постановка проблемы, систематизация и периодизация // Научный диалог. – 2019. – № 10. – С. 280-294.
7. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М.: «Coda», 1996 – 474 с.
8. Pokatilova N. V. Problemy poetiki yakutskogo olonho: opyt analiza // Yazyk-mif-kul'tura narodov Sibiri: sbornik nauchnyh trudov. – Yakutsk: Izd-vo YGU, 1994. – S. 148-163.
9. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. – 357 с.
10. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
11. Решетникова А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. – Якутск: Бичик, 2005. – 408 с.
12. Сивцева-Максимова П. В. Типология структурного анализа сюжетных мотивов олонхо на материале исследований А. П. Решетниковой // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского: Материалы Международной конференции, Якутск, 27–28 сентября 2018 года. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – С. 65-67.

13. Сивцева-Максимова П. В. Источниковедческие ракурсы комплексного исследования олонхо // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2019. – № 4 (16). – С. 22-30.
14. Сивцева-Максимова П. В., Степанова В. Е. История текстов литературных олонхо С. С. Васильева (на материале прижизненных изданий и рукописей) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. – 2020. – № 1 (17). – С. 122-135.
15. Степанова В. Е. Творчество С. С. Васильева-Борогонского: фольклорные истоки, поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – Якутск, 2022 – 203 с.
16. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие / Вступ. статья Н. Д. Тамарченко; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 334 с.
17. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. [Отв. ред.: В. Е. Гусев; отв. за переизд.: В. М. Никифоров]; – Переизд. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.

СТЕПАНОВА Варвара Егоровна – к. филол. н., научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: varvarast77@mail.ru

STEPANOVA Varvara Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher, A. E. Kulakovsky Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

К 90-летию доктора филологических наук, профессора Николая Николаевича Тобурокова

Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного Федерального университета имени М. К. Аммосова организовал Всероссийскую научно-практическую конференцию «Фольклор и литература народов Сибири и Северо-Востока РФ: теория и практика сравнительного изучения» (2 марта 2023 г.), посвященную 90 - летию известного российского филолога, стиховеда, доктора филологических наук, профессора Николая Николаевича Тобурокова. Приняли участие ученые из Тывы, Хакасии, Чувашии, Якутии.

Выступления Пленарного заседания Лучшие сыны Отечества – ученые и поэты

*Е. И. Михайлова,
президент СВФУ им. М. К. Аммосова*

Когда-то я прочитала одну мысль у талантливого литератора, выдающегося писателя и ученого, доктора филологических наук, ректора Литературного института Сергея Николаевича Есина о том, что человечество должно «прислушиваться к тому, о чем ему нашептывают его **лучшие сыны – ученые и поэты**». К лучшим сыновьям человечества я отношу глубокоуважаемого Николая Николаевича Тобурокова, профессора Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, крупного ученого, доктора филологических наук, известного литературоведа России, принципиального исследователя зарождения и развития якутской дореволюционной литературы, литературы народов Сибири и Севера, основоположника научной школы стиховедения Якутии и Сибири, автора методики сравнительного изучения поэтических произведений различных авторов, лауреата литературной премии имени якутского писателя Эрилик Эристина, бессменного председателя инициированного им диссертационного совета по литературе народов России, талантливого наставника и выдающегося просветителя. Значительный вклад Николая Николаевича в развитие гуманитарного знания, продвижение в стране и в мире ценностей литературы и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, достойны самого глубокого уважения и признания.

Как известно, духовные ценности создаются людьми, их поступками и делами, обессмертившими не только собственные имена, а прославившими свой народ, свою Родину на веки вечные. Династия Тобуроковых, насчитывающая в своих рядах известных ученых, писателей и учителей, широко известна в республике. Очень талантливые и красивые люди – братья и сестра Тобуроковы: член Союза писателей СССР и РФ, народный поэт Якутии, классик детской литературы Петр Николаевич и выдающийся ученый России, доктор филологических наук, литературный критик, профессор СВФУ Николай Николаевич, их сестра Пелагея Николаевна, учитель географии СОШ № 2 г. Якутска, заслуженный учитель Якутской АССР. Якутия безмерно гордится своими известными не только в республике, но и далеко за ее пределами, творческими людьми, рожденными в одной семье и сумевшими за свой жизненный путь совершить столько знаменательных личных поступков: Родину защитить от фашистов; воспеть Отчизну в стихах и поэмах; множить ее культурное и интеллектуальное наследие; приумножать научное сотрудничество между народами России; возвращать юное и молодое поколение

якутян, формировать научно-педагогические кадры по всей стране, самоотверженно трудиться над мировоззрением патриотов своей Родины, воспитывать созидателей будущего! Воистину Тобуроковы – гордость нации!

Несомненно, Николай Николаевич Тобуроков, который относил себя к «скромным трудягам литературы», является ярким представителем плеяды ученых, исследовавших литературное творчество народов Сибири и Дальнего Востока, внесших свой уникальный вклад в развитие духовных ценностей народов России. О них должны знать и всегда помнить потомки, потому что они создатели и ценители слова, выразители чувств и взглядов, мнений и убеждений, знаний и основ. И они продолжают жить среди нас и работать на современность.

Путь Николая Николаевича в большую науку начался еще совсем в юном возрасте, с первых романтических впечатлений после знакомства с творчеством талантливого якутского писателя Семена Степановича Яковлева – Эрилик Эристина, начавшегося с прочтения романа «Маарыкчаан ыччаттара» («Молодежь Марыкчана»). Искреннее восхищение талантом «якутского Корчагина», неугасаемый с годами интерес к личности и судьбе Эрилика Эристина, преклонение перед его редким даром единства жизни и творчества вдохновляли Николая Николаевича в его научно-исследовательской работе, системной аналитической деятельности. Был собран большой фактический материал о жизни и деятельности писателя, изучена поэтика художественного произведения, исследованы истоки мастерства и творчества создателя художественных произведений, основанных на подлинных событиях. Таким образом, Николай Николаевич Тобуроков стал признанным исследователем одного из самых талантливых писателей Якутии – С. С. Яковлева – Эрилик Эристина, неординарной личности, истинного патриота и преданного идеалам революции человека. Исследования творчества писателя, проведенные Н. Н. Тобуроковым, по сей день остаются актуальными для якутской науки. Многолетний труд ученого получил широкое общественное признание и благодарность земляков Эрилик Эристина, высоко оценивших труды Николая Николаевича: «... он увековечил историю нашего улуса и писателя Эрилик Эристина»!

Со временем природная пылкость и приобретенные высокие качества ученого, широкий кругозор и нестандартное мышление, энергичность и ответственность позволили Николаю Николаевичу успешно заняться новым перспективным направлением в литературоведении – стиховедением, востребованным и сегодня. В теоретико-методологическом плане перед ученым стояла задача разработки методологических проблем сравнительного стиховедения на основе использования средств современной экспериментальной фонетики и статистики. Практическая ценность исследования заключалась в использовании разработанной ученым методики для исследований стихов тюркских народов и получения новых данных, необходимых для дальнейшего развития стиховедения.

Автор более 300 уникальных научных трудов, 30 книг, в том числе около 20 монографий и учебных пособий, многое сделал для развития теории тюркских литератур, для развития художественного мастерства поэтов Сибири, развития гуманитарной науки многонациональной России. Обладая разносторонними знаниями, Николай Николаевич эффективно применял их на практике, оказал существенное влияние на популяризацию якутской национальной культуры. Он разработал уникальную методологию исследования тюркского стиха, основал свою научную школу, известную далеко за пределами Якутии, создал условия студентам, аспирантам и соискателям для проведения экспериментов, апробации своих научных работ и органичного вхождения ими в сообщество российских исследователей. Круг учеников Н. Н. Тобурокова постепенно расширялся, ученые со всей Сибири учились, консультировались у него, почти все его ученики защитились по поэзии и стиховедению. Сегодня они работают в ведущих академических и вузовских учреждениях, стали крупными специалистами в своей области, известными исследователями

национального стиха и поэзии. Это доктора и кандидаты наук: П. В. Сивцева-Максимова, В. Б. Огорокова, В. Г. Семенова, М. Н. Дьячковская, Л. Н. Романова, Е. А. Архипова, М. П. Попова, Н. В. Бурцева, Н. Г. Гаврильева, А. А. Винокурова и другие.

Николай Николаевич оставил богатое научное наследие и достойных учеников, последователей, которые будут и далее продолжать дело своего учителя и наставника.

О сравнительном исследовании поэзии тюрков Сибири

*И. Е. Алексеев,
д. ф. н., профессор
СВФУ им. М. К. Аммосова*

В восьмидесятые годы XX в. профессор Н. Н. Тобуроков фундаментально исследовал якутскую, бурятскую поэзию и поэзию тюрков Сибири. В трудах, изданных в 1985 и 1991 гг., он первый из якутских литературоведов системно использовал экспериментальные методы для комплексной оценки структуры, содержания и интонации стиха. Такой комплексный подход раскрыл, что сила художественного слова, особенно поэтического, и всех его оттенков проявляются в звучащей речи. Так, труды Николая Николаевича «Якутский стих» и «Проблемы сравнительного стиховедения» открыли новое направление в исследовании теории стиха.

Во-первых, в тюркской поэзии, в отличие от русской, система стихосложения основывается на слоговом сингармонизме, и, по мнению академиков В. В. Радлова, Ф. Корша, стихи на тюркских языках создаются в рамках семислоговой строки. И уровень художественности произведения определяется не только зависимостью ритмики стиха от количества слогов, но и его идеей, эстетикой, содержанием.

Детально проанализировав методологию изучения стихосложения, Н. Н. Тобуроков отмечает, что уровень развития стихосложения тюркских народов Сибири позволяет проводить их сравнительное исследование. По требованиям науки того времени, политически идеологизированной, формы и содержание стиха рассматривались в рамках соцреализма. Но и тогда Николай Николаевич сумел убедительно доказать, что по истечении времени в стихах, созданных на многих языках, возрождается обновление этого метода. Например, анализируя стихи якутских поэтов И. Гоголева, Баала Хабырыса, Кюннюка Урастырова, П. Тобурокова, алтайцев У. Б. Суркашевой, Э. Палкина, А. Эредеева, П. Кучияка, тувинцев А. Сюрюн-оола, С. Пюрбю, С. Сарыг-оола, Ю. Кюнзегеша, хакасов В. Кобякова, Н. Доможакова, М. Кильчицакова и др., он проследил, как из фольклорных форм постепенно появляются литературные произведения, совершенствуется художественный стиль. В целом, в качестве удачного образца взаимного обогащения культур, живого примера расцвета не только содержания, но и формы, Н. Н. Тобуроков, закономерно, опирался на якутскую поэзию. Это можно оценить как направление стиховедения, которое соответствует новым требованиям науки.

Во-вторых, Н. Н. Тобуроков – академик тюркологии, полностью выполнивший свое предназначение. Обращаясь к тюркским языкам Сибири, скрупулезно исследуя художественную литературу, анализируя уровень развития структуры и содержания тюркской поэзии, он проводил огромную научную работу. Открыл перспективы развития одной из сложных сфер литературоведения, особенно для тюркского ее направления, расширил границы своей научной школы, в первую очередь, подготовил исследователей якутской, тувинской, алтайской, хакаской поэзии. На этих языках, как семена, посеянные на плодородную землю, вечно будут взрастать ростки поэзии, закономерности рождения которых раскрыл в своих смелых и новаторских трудах Николай Тобуроков.

В-третьих, на научную деятельность Николая Николаевича оказал влияние его многосторонний талант как певца и человека, обучавшегося музыке. Труды, которые

мы рассматриваем, убеждают нас в том, что музыкальные способности помогли ему в экспериментальном исследовании стиха. Обучившись у известного тюрколога, монголиста, фонетиста В. М. Надеяева и овладев экспериментальными методами исследования, он оперативно определился с темой и поставил перед собой задачу – исследовать интонацию стихов, написанных на якутском, тувинском, хакасском, алтайском языках.

В-четвертых, Н. Н. Тобуроков впервые использовал экспериментальную методику в своей работе «Якутский стих». Тщательно проанализировал звучание голосов трех дикторов, силу, тембр голосов, длину волн, зафиксированных на киноленте (позже и на фотобумаге), во время чтения 6 тысяч слов в стихотворной форме. Чтение было записано на пневмоосцилографе.

Что же он получил путем таких подсчетов? В первую очередь, то, что содержательная полнота формы якутского стиха, его красивое звучание, завершенность структуры и ритмики являются результатом поэтического озарения. Таким образом, автор четко установил, что произведения устного народного творчества якутов имеют отточенный стиль, особую ритмику по закону звукового сингармонизма, слоговую группировку строфики. Эти качества якутского стиха, по мнению исследователя, удачно использовали в своих произведениях П. Ойунский, К. Урастыров, Элляй, Б. Хабырыс, И. Гоголев. Такой вывод Николай Николаевич сделал, взвесив все – качество 32 тысяч звуков (самое меньшее) из 18 тысяч слогов, и как было уже указано, исследовав более 6 тысяч слов (если в среднем одно слово состоит из трех слогов).

Исходя из этого и основываясь на эксперименте, Н. Н. Тобуроков установил, что в якутском стихе постепенно начинается использование ритмико-интонационного строя. Николай Николаевич подтверждает, что отличительной особенностью якутского стиха является то, что движение голосовых связей обеспечивает полноту значения целой строфы.

Такие выводы, как известно, позволили Н. Н. Тобурокову уточнить дальнейшие задачи, открыть дорогу для исследования структуры стиха в поэзии тюрков Сибири.

В-пятых, профессор Н. Н. Тобуроков доказывает, что при сравнительном исследовании алтайской, тувинской, хакасской поэзии с якутским стихом все определяется благотворным влиянием народного фольклора. Кроме этого, приводит пример плодотворного влияния перевода русской поэзии на строение стиха. Но основная особенность поэзии любого народа – интонация. Выявляются ее отличия. Поэзию любого народа достигает определенных высот в разные периоды, в связи с этим бывает различным и внешнее влияние на внутреннюю суть.

Для того, чтобы продемонстрировать особое место в строении стиха места, где используется краткая пауза (по показаниям интограммы), Николай Николаевич проводит многочисленные измерения, расчеты. В результате выясняет, что краткая пауза предназначена для придания динамики стихотворной строфе. На строении алтайских, хакасских, тувинских стихов демонстрируется закон образования упорядоченной ритмики стиха, построенный на процентном соотношении краткой паузы и длительности звучащей строфы.

А в выводах по интонации, рифме, строфике стиха Николай Николаевич в первую очередь руководствуется положением В. М. Жирмунского о том, что определяющим является силлабическое строение тюркского стиха. Такое удачное распределение в каждом произведении, по мнению Николая Николаевича, свидетельствует о глубоких корнях творческих стихотворных способностей народа: «В принципе возможности развития стихов разных национальностей не имеет пределов, и они тесно связаны со своеобразием национальной интонации». Николай Николаевич подтверждает, что ритмическая структура, краткая пауза, полновесная строфа схожи в языках Сибири. Последовательное использование ритма, интонации фразового ударения способствует полному раскрытию содержания стиха. В заключение еще раз подчеркивается особое значение в создании стиха силлабической системы, используемой в настоящее время в родственных тюркских

языках. По мнению профессора Н. Н. Тобурокова, равномерные паузы, повышение и понижение голоса, его ослабление и интонация, в которой и заключается национальное своеобразие языка, – все это полно характеризует строение тюркского стиха.

Труды литературного критика, ученого и гражданина Н. Н. Тобурокова необходимо издать как полное собрание его сочинений, так как его работы будут востребованы многими поколениями исследователей. Особенно его фундаментальные труды по экспериментальным исследованиям.

Научный подвиг ученого

*В.Б. Окорокова,
д. ф. н., профессор*

СВФУ им. М.К. Аммосова

Н. Н. Тобуроков стал исследователем творчества одного из самых талантливых писателей Якутии с удивительной судьбой – С. С. Яковлева – Эрилик Эристина и написал по его творчеству монографии, множество статей, был составителем его собрания сочинений и книг.

Во время учебы в аспирантуре в 1963 г. написал свою первую научную монографию «Жизнь и творчество Эрилик Эристина». По данной же теме в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию. Его научным новаторством стало то, что впервые в якутском литературоведении столь скрупулезно была изучена жизнь писателя. Собранные им материалы объемом более 300 страниц легли в основу фонда Эрилик Эристина в архиве Института языка, литературы и истории Академии наук СССР. Вместе с тем он впервые начал работать над изучением поэтики его произведений, исследовав мастерство писателя в построении сюжета и композиции, особого языка писателя, в применении художественно-изобразительных деталей и т.д. Жизненную силу и реализм произведений писателя он сумел доказать на сопоставлении сюжета произведений с реальными фактами действительности, прототипами героев.

Н. Н. Тобуроков впервые организовал юбилей писателя и выступал с докладами в 1972, 1977, 1982, 1992 гг. Выпустил четыре книги на якутском и русском языках, в том числе монографию «Писатель корчагинской закалки» (1979). В 2017 г. в соавторстве с В. Б. Окороковой была издана книга «Жизнь и творчество Эрилик Эристина» (21 п. л.) к 125-летию юбилею со дня рождения писателя.

Н. Н. Тобуроков – ученый-литературовед с широким диапазоном научных интересов. Он одним из первых приступил к изучению литератур народов Крайнего Севера, выпустил монографию «Андрей Кривошапкин» (1997). Н. Н. Тобуроков, еще будучи заместителем директора ИЯЛИ, стал инициатором исследования литератур малочисленных народов Севера, которое было включено в план научной работы института, и в 1989 г. под его редактированием был издан коллективный труд ученых ИЯЛИ «Развитие реализма в литературах Якутии». Эта работа была продолжена, и в 1990 г. вышел также коллективный труд ученых ИЯЛИ «Литература народов Севера Якутии». В работе приняли участие такие ведущие литературоведы и ученые республики, как Г. С. Сыромятников, В. Т. Петров, Д. Е. Васильева, Н. З. Копырин, Ж. К. Лебедева, и др.

Как ученый-литературовед Н. Н. Тобуроков много усилий отдал освещению истории якутской литературы, которую из-за многочисленных научных дискуссий и споров многие десятилетия не удавалось воссоздать в полном объеме. Он еще в 1970-е гг. принял участие в издании академической работы «История советской многонациональной литературы» (Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР) и коллективной монографии «Якутская советская литература и искусство». Благодаря его энтузиазму

и профессиональному руководству, была издана академическая история якутской литературы «История якутской литературы. Середина XIX – начало XX века. 1 том» (1993), в работе над которой кроме него приняли участие известные литературоведы Г. С. Сыромятников, Н. А. Габышев, М. Г. Михайлова. В этом фундаментальном труде Н. Н. Тобуроков воплотил свою новую концепцию о зарождении и развитии якутской литературы, начав рассмотрение ее истории с середины XIX в. И как писала Л. Н. Романова, издание этого труда «явилось проявлением гражданского мужества, прежде всего, его научного руководителя, одного из авторов основной концепции – Николая Николаевича Тобурокова. Его взгляды на истоки зарождения национальной литературы обусловили новые методологические подходы в ее изучении. Зарождение и развитие якутской письменной литературы здесь показаны исследователем как результат сложного, многовекового процесса накопления художественно-эстетического, духовного опыта народа».

Особый вклад ученый внес в развитие такого раздела литературоведения, как стиховедение, провел огромную и трудоемкую работу по исследованию систем якутского, алтайского, бурятского, тувинского и хакасского стиха. Он обосновал методику анализа стиха и основал стиховедческую школу во всей Сибири. Ученики Н. Н. Тобурокова стали крупными исследователями национального стиха и поэзии: в республике Саха (Якутия) – это М. Н. Дьячковская, П. В. Сивцева-Максимова, Л. Н. Романова, В. Г. Семенова, Е. А. Архипова, М. П. Попова, в Хакасии С. А. Майнагашев, в Туве У. А. Донгак и др. Новаторские положения в стиховедении Н. Н. Тобурокова получили широкое признание в научном мире. Докторская диссертация ученого «Становление и развитие стихосложения в советской поэзии тюркоязычных народов Сибири» (1987) стала первым сравнительно-типологическим исследованием системы стиха в тюркоязычных литературах народов Сибири.

Труды Н. Н. Тобурокова по стиховедению «Якутский стих» (1985), «Современная поэзия Сибири» (Москва, 1986), «Проблемы сравнительного стиховедения» (1991), «Сибирью рожденные» (1992), «Хакасский стих» (1991), явившиеся плодами его многолетнего труда, стали редкими и ценными работами в области сравнительного литературоведения и пользуются огромной популярностью в среде литературоведов страны. Его работа «Современная поэзия народов Сибири» (1986) вышла в издательстве «Знание» тиражом в 33 тыс. экз. Труды ученого переводились на тувинский, хакасский языки. В комплексной характеристике тюркоязычного стиха в поэзии Сибири ученым выявлены общие типологические свойства стиха в процессе исторического развития и ряд отличий, обусловленных особенностями национальных языков. По результатам своих исследовательских изысканий Николай Николаевич выступал на Международных научных конференциях стиховедов.

Н. Н. Тобуроков – известный в республике литературный критик. Выпустил сборники статей «Күн хайатын күөнүгэр» («На склоне солнечной горы», 1971), «Дьону дьоллоох онороору» («Чтобы сделать счастливыми людей», 1975), «Вечный поиск волшебства» (1981), «Сибирью рожденные» (1992), «Талыллыбыт үлэлэр» («Избранное», 2009) «Кто он, Платон Ойунский?» (2014). Сборник статей Николая Николаевича «Избранное» состоит из двух частей. В первой части представлена история критики по творчеству А. Е. Кулаковского, дана периодизация критических отношений к художественному наследию и биографии писателя в течение XX в. Профессор Г. Г. Филиппов считает, что данный вопрос в настоящий момент подвластен именно ему, «как человеку, бывшему в высших эшелонах партийной власти республики в суровые 70-е годы, как руководителю научного института, и, как ученому, принявшему непосредственное участие в оценке произведений А. Е. Кулаковского. ...Автор уточняет факты биографии писателя, дает оценку его творчеству, анализирует труды ученых, писателей о нем и определяет свое отношение к ним, создает свою концепцию». Во второй части сборника Н. Н. Тобуроков прослеживает историю и перспективы развития якутской поэзии, критикует современное положение

поэзии и дает советы молодым писателям по таким вопросам, как поэтика и художественность. Г. Г. Филиппов вполне справедливо отмечает то, что сборник Н. Н. Тобурокова стал заметным явлением в современной якутской критике, и считает, «по тому, как автор статьи своего сборника осознанно признает «избранными из избранных», их следует считать его заветами и «лебединой песней» крупного литературоведа». Действительно, этот труд ученого обращен в будущее и посвящен творческим людям, исследователям литературы.

Таким образом, поражает и восхищает широкий круг научных интересов, множество направлений в исследованиях Н. Н. Тобурокова и новизна, результативность предложенной им методологии.

Николай Николаевич Тобуроков в 1993-1995 гг. стал стипендиатом Фонда гуманитарных наук для выдающихся ученых России и получил безвозмездный разовый грант. Такое высокое признание научных открытий и вклада ученого стало вполне заслуженным.

Уроки моего учителя

У. А. Донгак,

к.ф. н., ведущий научный сотрудник

*Тувинского института гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований*

Почему поэзия так дорога человечеству? Почему на протяжении веков человек обращается к ней как поэт, как читатель, как исследователь? Многие знают ответ на этот вопрос: поэзия связана с мечтой человека о совершенствовании мира, в том числе и самого человека как части космоса. Именно стремление к идеалу, к прекрасному, к гармонии мира влечет человека к поэзии.

Уроки моего учителя Николая Николаевича Тобурокова связаны, на мой взгляд, с этим пониманием поэзии в жизни общества.

Моя мечта уже с осознанной студенческой жизни изучать тувинскую поэзию, особенно ее формальную сторону – стиховую организацию – начала постепенно осуществляться после трех важных для моей биографии событий: первая – это поступление на работу в Тувинский НИИ языка, литературы и истории в 1990 г. и командировка для научного прикрепления в Институт филологии СО РАН в г. Новосибирске в 1992 г.; вторая – это знакомство с директором этого института А. Б. Соктоевым, член-корреспондентом, доктором филологических наук, идейным вдохновителем 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; и третья – это телефонный разговор А. Б. Соктоева с его давним другом, известным сибирским стиховедом, специализирующимся по изучению поэзии народов Сибири – Н. Н. Тобуроковым.

С того первого обсуждения исследовательской темы по тувинскому стихосложению вектор развития событий был направлен на успешное написание монографии, защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Н. Н. Тобуроков был приглашен директором Тувинской НИИ языка, литературы и истории, доктором исторических наук Ю. Л. Аранчыном в Кызыл для участия в Ученом совете института, утверждавшем план-проспект моей диссертации «Тувинское стихосложение». С тех памятных событий по сегодняшний день меня не покидает чувство отеческой заботы и мудрого руководства моего учителя Николая Николаевича Тобурокова по пути моего профессионального становления как научного сотрудника.

Н. Н. Тобуроков всегда делился тем, что было для него важным и дорогим в научной деятельности: передавал рабочие записи своих научных расчетов, знакомил с трудами учеников и завещал нам всем, уже в первый мой приезд в Якутск, всегда работать вместе и хранить, как он, дружбу со всеми коллегами, учеными-литературоведами. Аспиранты

моего учителя в Якутске и молодые исследователи из других республик познакомились друг с другом через Николая Николаевича. Когда он нас знакомил, учитель неизменно говорил: «Вот передаю Вам эстафету...».

Получается, что Николай Николаевич передавал нам эстафетную палочку исследования наших литератур во взаимодействии. Для меня эти личные контакты, профессиональное общение, сотрудничество начались в год моей защиты – в январе 2000-го года. Доктор филологических наук П. В. Сивцева-Максимова, в тот год ученый секретарь Диссертационного совета при СВФУ, кандидаты филологических наук: талантливый исследователь якутского стиха покойная М. Н. Дьячковская, мой первый оппонент; Е. А. Архипова, В. Г. Семенова (тогда аспиранты) – все они, и даже известный исследователь фольклора народов Севера Ж. К. Лебедева, опекали меня, прибывшую с «южных» далей тувинку, в январские холода. Потом были встречи, знакомство, дружба с Н. С. Майнагашевой, С. А. Майнагашевым, М. П. Поповой, Л. Н. Романовой. Эта цепочка протянулась в разные стороны: Бурятию, Башкирию, Чувашию, Киргизию, Монголию.

Н. Н. Тобуроков, думаю, первым из отечественных ученых предпринял и осуществил поездки на малую родину национальных писателей в разных республиках Сибири для изучения их жизни и творчества: в Туву, Хакасию, Алтай, Бурятию... Эти встречи в местах, где родились и выросли любимые народом писатели, где живут и по сей день их родные, беседы и дружба с исследователями их творческого пути – научный и лично заинтересованный подход ученого. Свои наблюдения и открытия учитель описал в книге «Сибирью рожденные» (1992 г.). Так в тувинской литературе Н. Н. Тобуроков, исследователь из Якутска, стал первооткрывателем темы о судьбе репрессированного поэта, основоположника тувинской национальной литературы, народного писателя Тувы С. Б. Пюрбю. Тувинские ученые и писатели тогда еще не могли подступиться к этой теме. Николай Николаевич, как высказался сегодня тувинский пюрбюевед В. С. Салчак, с высоты своего научного опыта и академического взгляда выделил личность, судьбу, вклад С. Пюрбю в историю литератур народов Сибири. Вместе с Д. С. Кууларом они побывали на родине писателя, местечке Эжим. В научных трудах это было впервые описано в вышеуказанной книге. В другой своей книге «Современная поэзия народов Сибири» (1986 г.) Н. Н. Тобуроков анализировал творчество следующего поколения поэтов из наших братских республик. Десятки имен, анализ их произведений: А. Даржай, Г. Раднаева, Б. Бедюров, Е. Танова, В. Серен-оол, Д. Улзытуев, К. Урастыров, П. Тобуроков, М. Кенин-Лопсан, И. Гоголев, М. Баинов, Б. Укачин, Э. Палкин, А. Эредеев, М. Ефимов, М. Олчей-оол, А. Саруева, С. Тарасов, Огдо Аксенова, Юрий Анко, П. Самык, Н. Дамдинов, Улуро Адо, В. Лебедев, Н. Нимбуев, Б. Нигмытов...

Николай Николаевич часто говорил о важности «живого общения» с писателями, его родными, исследователями их творческого пути. Как важно лично прикоснуться к родной стихии поэта! Научным кредо Н. Н. Тобурокова стал подход, охватывающий все национальные республики Сибири в единстве, в системной взаимосвязи... Такой подход был использован ученым в его стиховедческих исследованиях, позже – также и бурятским ученым, его другом, официальным оппонентом на моей защите д. ф. н., профессором Бурятского госуниверситета С. Ж. Балдановым, возглавлявшим научно-исследовательскую лабораторию по изучению литератур народов Сибири как «единое фольклорно-литературное полиэтническое пространство».

В научной работе мой учитель стал для меня примером стремления к научной точности, доказательности анализируемых положений. Исследование стиха требует скрупулезной работы, объективности, только многочисленные подсчеты сотен, тысяч стихотворных строк могут привести исследователя к верным результатам, избежать хитростей и ловушек, «привлекательностей» субъективного взгляда. Первое впечатление в исследовательской практике очень часто может быть обманчивым, кроме этого, родство наших литератур, единые общетюркские корни могут наталкивать на мысль об общей

похожести, единообразии систем стихосложения. Н. Н. Тобуроков в своем капитальном труде, посвященном особенностям систем стихосложения тюркоязычной поэзии Сибири, наметил следующим за ним ученым-стиховедам основной ориентир: несмотря на единые истоки наших литератур, современная поэзия идет разными путями, обусловленными особенностями языка и поэтики, общественно-историческими условиями, контекстом современности – эти факторы приводят к многообразию поэтического мастерства, разноликому единству наших литератур.

Когда на защите диссертации «Тувинское стихосложение» якутские ученые заговорили о «единообразии», «подозрительной неизменчивости» тувинского стиха, Николай Николаевич убедительно ответил, что история тувинской поэзии интересна как раз своей канонической приверженностью 8-сложнику. Тем не менее учитель отмечал всегда, что даже у отдельного поэта не может быть завершенной, раз и навсегда определившейся системы стиха, нужно анализировать каждый сборник, более того, нужно учитывать разные проявления при изменении интонации: разговорной, напевной, ораторской. На сегодняшний день, спустя уже два десятилетия, мы видим намеченные учителем линии, следуем за ними, конечно, не забывая, как он учил, перепроверять все на живом материале родной поэзии. В этом вопросе Николай Николаевич преподавал мне урок о том, как важно стараться подступиться как можно ближе к академической точности, и в то же время не укладывать поэзию в готовые рамки открытых ранее законов, не забывать о широких возможностях стихии родных языков, полета творческой мысли и духа, стремления к гармоничному самовыражению. Так же учитель следовал своему пониманию мудрости в поддержке начинающих литераторов и исследователей, не подавлять саморазвития ради чего-то рафинированного, узкого, ограниченного.

Думаю, жизненная и научная позиция Н. Н. Тобурокова воспитания своих учеников в науке, молодых коллег, в духе взаимопонимания, единения, настоящей дружбы, а также строгость и требовательность к научным изысканиям, многолетняя поддержка начинающих исследователей – за всем этим стоит убежденность в высоком предназначении поэзии. Присутствие «всего богатства мира» в поэзии (Палиевский) в том, что в ней проявляется устремленность человека к совершенствованию духа. Дальнейшее изучение поэзии наших народов Николай Николаевич предоставил своим ученикам, объединив их в свое время «эстафетной палочкой» учителя.

Информация подготовлена

ОКОРОКОВОЙ Варварой Борисовной – д. филол. н., профессором кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет *Varvara Borisovna* имени М.К. Аммосова.

E-mail: bokorsaisar@mail.ru

The information was prepared by

OKOROKOVA Varvara Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
Электронное научное периодическое издание
2 (10) 2023

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.06.2023
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 30.06.2023